

К 1475160

Автограф
70

**РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ
ВОЛОГОДСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ**

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

70

**Вологда
2016**

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗБРАННОЕ

Геннадий Мальцев	5
Наталья Раменская	6
Римма Рожина	8
Иван Попов	12
Альбина Королева	13
Николай Кузнецов	15
Дмитрий Ермаков	17

В МИРЕ РУБЦОВА

Леонид Вересов. Поэтическая вахта моряков	32
Валентин Лукошников. Дружили поэты	38
Николай Астафьев. Лукавая «невеста»	41

ЮБИЛЕИ

Вера Басова	42

КОРОТКАЯ ПРОЗА

Николай Смирнов. Нечаянный визит	45
Виктор Борисов. Каллиграф. Война прапоров	50

ПАМЯТЬ

Юрий Малоземов. Василий Иванович Белов	60

ГОСТИ НОМЕРА

Валерий Курбатов	62

ГРАФИКА

Виктор Новиков	64

На обложке: Соборный комплекс. Гравюра на линолеуме из альбома «Страя Вольгда». Худ. Н. Дмитриевский.

Уважаемый читатель!

В Ваших руках семидесятый номер альманаха «Автограф». После продолжительного перерыва Вологодский Союз писателей-краеведов возобновляет выпуск альманаха. Семьдесят — символическая, юбилейная цифра. В прошлом году вся страна отметила 70-летие Великой Победы. По мере своих сил и возможностей члены ВСПК также участвовали в праздничных мероприятиях, дети и внуки ветеранов прошли с маршем «Бессмертного полка», выпустили в свет ряд краеведческих материалов посвященных Великой Отечественной войне, в шорт-лист всероссийского литературного конкурса посвященного 70-летию Победы вошел рассказ Борисова В. А. (председателя правления ВСПК).

Наступивший 2016 год для Вологодского Союза писателей-краеведов является юбилейным. Ровно десять лет назад 2006 году впервые было зарегистрировано новое творческое объединение региональная общественная организация «Вологодский Союз писателей-краеведов» Темы исследования краеведов охватывают практически все направления краеведения: военно-историческую, искусство, театр, архитектуру, генеалогию, медицину, историю епархии и др.

В 2016 году отмечается восьмидесятилетие Николая Рубцова и как говорится — сам Бог велел к этим двум событиям возродить выпуск журнала «Автограф». В этом номере вы прочтете новую повесть Дмитрия Ермакова «Река Лета» о Николае Михайловиче Рубцове, предоставленную автором для первой публикации в нашем журнале, а также новые стихи и прозу членов ВСПК.

Редакция

* * *

25 декабря 2006 года в областной столице зарегистрировано новое творческое объединение «Вологодский Союз писателей-краеведов».

У истоков Союза стояли А.В. Быков, к.и.н., автор десятков книг, первый председатель Совета Союза, М.В. Суров, депутат Законодательного собрания Вологодской области, коллекционер, предприниматель (к сожалению, трагический ушедший из жизни, он внёс огромный вклад в российское краеведение и был, несомненно, стержневой фигурой нашего Союза), журналист А. Тарунин, Ю.П. Малозёмов — писатель, издатель, нынешний глава Союза. Почётным членом нашего Союза стал писатель В.И. Белов. Этот факт до сих пор является предметом гордости членов Союза.

Союз писателей-краеведов имеет статус общероссийской писательской организации, согласно Уставу, Союз признан объединить писателей-патриотов. Основными целями его являются развитие краеведения в нашей стране, его популяризация путём написания и издания книг, брошюр, статей, докладов, сообщений по краеведению и широкая публикация их в средствах массовой информации, для пропаганды патриотизма на высоких примерах местной и общероссийской истории, выявления незаслуженно забытых имён, фактов и событий.

Также целями Союза являются совершенствование организационных форм и методов осуществления краеведческой деятельности, активизация деятельности краеведческой общественности на Северо-Западе России, выявление, изучение и сохранение культурного и природного наследия наших предков, представление краеведения, интересов писателей-краеведов в отношениях с органами государственного управления, науки, культуры, образования, обеспечения членов Союза информационными материалами по проблемам организации и содержания краеведения.

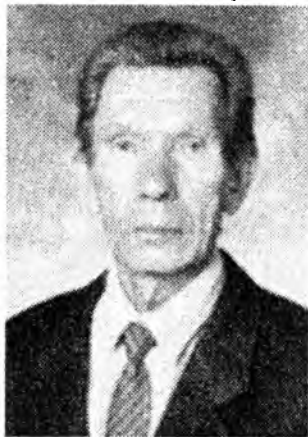
В настоящий момент Вологодский Союз писателей-краеведов насчитывает в своих рядах более 50 действительных членов и членов-корреспондентов. Из них 14 человек являются членами Череповецкого отделения Союза. Нашу краеведческую организацию представляют самые различные люди: кандидаты наук, члены Союза писателей России, заведующие различными учреждениями культуры, редакторы популярных журналов, художники, известные писатели и поэты региона — все, кто беззаветно посвятил своё творчество России и своему краю.

Организация имеет членов во многих городах Северо-запада России, включая Санкт-Петербург и Москву. Вот уже седьмой год писатели-краеведы знакомят читателей со своими произведениями. Надеемся, знакомство с их работами не оставит читателей равнодушными, вызовет интерес к истории родного края, а значит, работа Союза будет плодотворно продолжена.

Л.Н. ВЕРЕСОВ,

заместитель председателя
Вологодского союза писателей-краеведов,
ответственный за работу по г. Череповцу

Геннадий МАЛЬЦЕВ

НАВЕЯННОЕ

Про Живуч-островок
И резные окошки
Ольги Фокиной стих,
Словно россыпь морошки.
В нем и радость труда,
И любовная драма.
Ах, как нежно она
Сказ вела свой о маме.
Раз в болоте один
Клюкву брал я до ночи.
Мне аукнули вдруг
Ольги Фокиной строчки,
Где она с теплотой
Об отце вспоминает...
Сердца самых глубин
Стих ее достигает.
Видно, с ним заодно
Неба звездного просесть.
Может, небо само
Со стихом слиться просит.
Чтобы с ним прирасти
Клюквы алою строчью
И в стих новый войти
Рассыпным узорчьем.

ДОЖДЬ

По аллеям оголенным
Я ходил, себя лишь слыша:
— Был ли кто, как я, влюбленный?..
— Был! — ударил дождь по крышам. —
И меня же нет несчастней!
Солнце я любил в лазури.
Но любовь была напрасна —
Солнцу ближе рокот бури.
Страстным чувством опьяненный,
Я на капли разделился..
Каждой капелькой влюбленный,
Над землей дождем пролился.
Струй сгустились волоконца:
— Не суди за слабость строго.
Отдышусь,
И снова — к солнцу!
У любви одна дорога.

ДЕРЕВЕНЬКА НА ГОРЕ

Деревенька на горе,
Дуб могуч и строен,
Разнеслись по всей земле
Звоны с колоколен.
Колокольни снесены,
А напев остался,
Словно с милой старины
Жар сердец прорвался,
Словно светлая печаль
Разлилась над миром
И ручьем бурливым вдаль
Душу поманила.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

Что такое любовь
Не опишешь словами,
Да и нот стройный ряд
Вряд ли сможет помочь.
Что такое любовь?
Это преданность мамы,
Благосклонность отца
И любимая дочь.

Что такое любовь?
 Это то, что нам снится,
 Ивы куст над рекой,
 Детской дали деньки.
 Что такое любовь?
 Это посвист синицы,
 Это милой твоей
 Дерзких глаз огоньки.
 Что такое любовь?
 Это доли и горы,
 Величавость морей,
 Звезд мерцающих дрожь.
 Что такое любовь?
 Это слезы и горе
 По любимым своим,
 Тем, кого не вернешь.
 Что такое любовь
 В двух словах не ответить.
 Полной мерой любить
 Дано мало кому.
 Что такое любовь?
 Это солнце и ветер.
 Это счастье дарить
 Всем любовь самому!

МАТЬ

Из сонма слов огромного,
 Тех, что я смог познать,
 Нет для меня объемнее
 Слова,
 Чем слово — м а т ь.
 Мать —
 И я слышу — Родина,
 А значит: дом, где рос,
 Куст ивняка, смородина
 И белизна берез,
 Детства пора беспечная.
 ... Все и не перечесть.
 Матерь
 (В понятии — «вечная»)
 И у Господа есть.
 Слезы ее горячие
 Людям укор таят.
 Этим укором мучима,
 Льет их земная мать —
 По сынку ли, по дочери
 Молит: — Господь, прости,
 В детях
 Дай сил, о Господи!
 Мне покой обрести.

Но, как зимою, солнышко —
 Редкая благодать,
 В жизни покоя полного
 Матери не видать.
 Малые дети — хлопоты:
 То накорми, подай,
 Выросли —
 И забот у ней
 Хлынуло через край.
 Мечется
 Мать,
 Старается
 Виду не показать,
 Что на закат склоняются
 Сила ее и стать,
 А ведь для счастья полного
 Нужно ей и всего,
 Чтобы от деток солнышко
 Взора не отвело.

Наталья РАМЕНСКАЯ

ВРЕМЯ

быстро проходит время —
 мы прибавляем шаг,
 ну и пускай — не с теми,
 ну и пускай — не так.
 пусть не о том мечталось,
 но не свернуть с пути.
 всё, что ещё осталось —
 мчаться, бежать, идти,
 утром кляня работу,
 ночью стремясь ко сну,

то торопя субботу,
то торопя весну.
время уходит быстро,
мы ускоряем бег,
и прогораем искрой.
оттепель, осень, снег —

некогда оглянуться,
шум, суета, возня...
чтобы потом очнуться —
после дрянного дня,
или плохих известий,
или на грани тьмы:

время стоит на месте.
это
уходим
мы.

17.01.15

* * *

Я помню все твои истории.
Ты помнишь все мои истерики,
Но вряд ли что-нибудь изменится —
Закончен наш безумный квест.
Мечусь по дикой траектории,
Строчу нелепые лимерики,
Своих иллюзий глупых пленница...
И жду, когда в одном из мест,

Где помнит нас и осыпь берега,
И каждая иголлка хвойная,
Где на нейтральной территории
Я снять смогу свою броню,
Моя последняя истерика
Споёт любви заупокойную...
Добавь её в свои истории,
И я её похороню.

5.06.15

* * *

кончился воздух, разом исчез, иссяк —
это как с головой в ледяной поток,
спорить бессмысленно, биться и так
и сяк —

кончился воздух!
последний большой глоток —

наглухо забивает раскрытый рот
колючее крошево боли, воды и льда,
сил не осталось и в лёгких уже дерёт,
тянет всё глубже в тёмное «никуда»,
требует сжиться, слиться в одно

с бедой
холод отчаянья... давит, сжимает грудь...

я научусь однажды дышать водой —
с этой минуты
имя
моё
забудь.

7/8.02.14

СОКОЛ

Счастье с неба —

да ясным соколом...
Всё гадала — моё ли?.. Надо ли?..
Всё ходила вокруг да около...
То за окнами листья падали,

То из тучи дожди колючие,
То снежинки с небес несметные...
Счастье — это ведь дело случая.
Счастье — вот же оно, заветное,

Дождалась!
...Только что мне проку-то?
Хлебом с рук — не люблю

прирученных...
Отвечал соколиным клёкотом:
— Да и мы с руки не приучены...

Знаю, сокол мой ясный, ведаю:
Сердцем, чтобы оно, горячее,
Билось — соколы им обедают...
Да не плачу я... и не прячу я,

Я не жадная. Только вот чего —
Всё склевали ворОны — вОроны,
Сердца нет давно, нечем потчевать...
Ты лети на четыре стороны.

А со мной — что со мною станется!
Ну!.. Полёта тебе высокого!
...Пусть же счастье моё останется
Ясным соколом... вольным соколом.

2/3.04.12.

В ЭТОМ ГОРОДЕ...

В этом городе небо серое,
Запах дыма, вороний грой.
Одиночество полной мерою,
Да отчаянье — через край.

В этом городе крыши низкие,
Тропки узкие, лица злы.
Незнакомцами стали близкие,
И развязаны все узлы.

В этом городе псы кусачие,
И не радует ничего...
Вдруг не выдержу и заплачу я —
В этом городе нет его.

22-23.11.13.

* * *

Проталин первых тёплый терпкий
дух —
Земли сырой и прошлогодней прели...
Ты был, как спящий лес — и слеп
и глух,

И вдруг разбужен музыкой капли!

Ты сбрасываешь зимнюю хандру —
Так сбрасывает поле снежный саван
Неспешно, но сквозь каждую дыру
Уже бежит тепло навстречу травам.

И ты ещё без сил, но солнце льёт
Тебе под кожу жизнь, круша
усталость —

Так крошится последний,
хрусткий лёд...
Как мало от зимы уже осталось!

И нестерпимо хочется припасть,
Как к матушке, к оттаявшей
землице,

И запахом её упиться всласть,
И с вешней силой к жизни
возродиться.

1998 — 15.03.14 — 13.02.15

Римма РОЖИНА

* * *

Гордец горячий, дерзкий
и свободный,
Он никого не хвалит, не бранит,
И не накормит, если кто голодный,
Попросите попить — не напоит.

Он ненавидит слезы: сам не плачет,
И у других не станет утирать.
Чужая боль настолько мало значит,
Что бесполезно к милости взывать.

Зато он там, где страсти! Это пламя
Готов до поднебесья возносить,
И если вы не с ним, он будет с вами,
Чтоб тешиться, но только не любить.

И горе, если кто самонадеян
В желании стреножить гордеца,
Напрасно будет и покой потерян,
И ранам не закрыться до конца.

Когда-нибудь сама себя укусит
Змеиная душа, и у черты
Бесчувственная, перед Богом струсит,
Замечется и рухнет с высоты.

* * *

Я верила в судьбу —
Мол, сжалится, пошлет
Заботливого спутника и друга.
Жила, а на горбу
Копился ноши лед,
Ташила... Да вот лопнула подруга.

И нечем починить,
И нечем подвязать,
Мороз. Не тает ледяная ноша.
И помощь попросить —
Кого мне покричать,
Когда вокруг сугробы да пороша?
Тропинки замело,
Ищи да не найдешь,
Жалсет ветер. укрывает снегом.
Пустое ремесло
Средь жизненных порош
Молить судьбу о встрече с человеком.
Сама схватилась шить
Подпруги да ремни,
Шагать удобно — рученьки
не мучай.
Раз так, то надо жить,
Твой груз — ты и тяни
И не надейся на счастливый случай!

* * *

Я обожаю горький шоколад...
Вы угостите долькой шоколада?
По цвету вижу, пробовать не надо,
Что это самый сладкий в мире яд.
Вот так и жизнь: и тешит, и горчит,
И отравляет, тут же исцеляя,
И человек то плачет, то кричит.
То счастливо поет в преддверье рая.
С младенчества ношу свою суму,
Что мне судьба в рожденье подарила,
Да вот сказать, что нужно брать,
забыла.
Все собираю, что мне по уму:
И с медом взлет, и с горечью удар,
Кладу в суму, уж рада иль не рада...
Мой символ жизни — плитка
шоколада,
А мой отчет — сумы раздутый шар.

* * *

Лежишь без движенья и шуришь
глаза
Во что-то тебе только видимое...
За городом львицей мурлычет гроза,
Опять миновала дождя полоса...
Спи, диво мое...

Та женщина, возле которой тепло,
Тебе не поверила, ветреному...
Настырные мошки стучатся в стекло,
Их столько, что птице летать тяжело...
Спи, нет их в доме...

Да, каяться будешь, потом и не здесь,
За многое сглупа разрушенное,
Когда долетит неприятная весть,
Что ты позабыл...без остаточка...весь!
Спи, мне не суженое...

И лопнет гордыня твоя, а любовь
Родится, как чудо намоленное,
И женщина, что покидала твой кров
В слезах и обидах, воротится вновь...
Спи, недолге мое...

И сладкое пиво рекой потечет:
Ржаное, овсяное, ячневое, —
Тебе в уважение, Богу в почет
Любимая женщина хлеб испечет...
Спи, счастье мое...

* * *

Я прошу тебе все:
И ошибки, и ссоры,
Торжества без цветов,
Вечера без огня...
Все пойму, но одно
Осознаю не скоро —
Как ты сам-то живешь
Без меня... Без меня!

Пусть ветер-колокол
Бьется набатом,
Я в этом холоде
Не виновата!
Сколько хватало сил
Грела теплом своим,
Ты ж не огонь любил —
Ветер и дым.

Знаешь, мне не прийти,
Ограничена воля,
Только воздух свежест.
Улыбаюсь, дышу!
Ждать тебя и прощать —
Такова моя доля,
Потому и печали
На душе не ношу.
Пусть небо выбрало
Нам ожиданье,
Я тебе выпала

Не на страданье.
Ты же сильней меня,
Крылья мощней моих,
Только найди огня,
Чтоб на двоих!

* * *

Не понимаю, что со мной...
Напротив хмель кофейный бродит,
А сзади шепот за спиной:
«Да он же глаз с нее не сводит!».
Ах, не своди нахальных глаз,
Вливай свою хмельную брагу,
Рискую пасть на этот раз,
Но мне воздастся за отвагу.
Я не хочу жалеть ее,
Смешную женщину в сторонке,
Не я воткнула острие,
Не мне барахтаться в воронке!
Но мне предложенное пить,
И насыщаться до предела,
Чтоб чувствовать и снова жить,
Чего до хмеля не хотела.
Я понимаю, что со мной:
Святоша в сторону уходит...
И этот шепот за спиной:
«Да он же глаз с нее не сводит!».

* * *

Я выдержу!
Каникулы пройдут,
И будни снова станут мне опорой.
Но от тебя,
От тех пяти минут
Я отойду болезненно не скоро.
Пропахнет дом
Пустырником-травой,
Коты с ума сойдут от валерьяны,
Но я вернусь
Красивой и живой,
Чтоб снова ждать внимания, как
манны.
Когда твой взгляд
Ударит по душе,
Я постараюсь не завывать от боли,
А лишь сожму
Иголки на еже,
Что по ночам бессонницею колет.
Однажды
Я уже пережила

Любви неразделенной нападение,
И гибелью
Мне кажется скала,
А вовсе не спасительной тенью.
Зачем же об уступы?
Не хочу!
Случится, ангел руку не протянет?
Я лучше на Крещение свечу
Поставлю,
И тебя во мне не станет.
Дух сохранию
Для летнего костра,
Для белой ночи,
Музыки Вивальди,
И для подруги, что почти сестра,
Но только не для итрищ на эстраде.

* * *

Я бы к тебе пришла, да не зовешь,
Видно, любовь мою ценишь на грош.
Ладно бы, сам богат — нищий
в любви!

Чем я тебе не клад?
Что ж, не зови...
Только уж ты не снись,
Ночь не тревожь,
Знаешь, как трудно днем выдумать

ложь
Про интересный фильм, про «не одна»,
Я же тебе во сне, будто жена:
Я же глаза твои пью-не напьюсь,
Я же в руках твоих ниткою рвусь,
Я же в словах твоих — звон в хрустале!
Утром встаю,
Ищу сердце в золе.
Ладно бы ты не знал, не понимал,
Ладно б другую ждал, милою звал,
Нет у тебя другой...
Пусто в дому...
Видно, недуг такой — быть одному,
Видно, не хочешь сам
Снадобье пить...
Я умоляю, в сны
Не приходить!

* * *

По уставшим полям,
Обметая, сдувая, сшибая
Обмороженный наст,
Сумасшедшая скачет метель,

Завывая и злясь,
С нею бешеный ветер летает,
Выбивает замки и калитки срывает
с петель!

Затопи поскорей.
Вот сухая береза и спички,
Приготовь кипяток,
Скоро гость постучится в окно,
Если он добредет...
Не ослабнет в пути с непривычки...
Если тропку найдет...
Если будет не слишком темно...

Да, я знаю о нем:
Накануне мне карты сказали,
Что какой-то чудак
Ищет наш избегаемый дом,
Он нелепо одет —
Драный плащ-балахон и сандалии,
А в руке узелок.
Остальное, сказали, потом.

Не случайно судьба
О пришельце меня упредила,
Неспроста он идет,
Не страшась ни пурги, ни зверей.
Что ты так побледнел?
Я уверена — чистая сила!
Зажигай же скорей голубую звезду
у дверей.

* * *

Сон в жару — это ад!
Как себя уложить,
Чтобы тело не плавилось воском,
А смогло до прохладной минуты
дожить

На диване горячем и жестком!
А сползу и щекой
С наслаждением прижмусь
К охлажденным водой половицам...
Вот и все...
Вот и рай...
Так о чем я молюсь,
Если не о чем больше молиться!

* * *

Когда молодильным яблоком
По маю покатится солнышко,
И мятным запахнет пряником

От высеянного зернышка,
Закружится мир от запаха
Да так, что тоска оскалится
И в свежих еловых лапах — «ах,
Мне дурно»... иглой подавится,
А ветер ухнет по тополем
До песенного шатания
И резво помчится по полю, —
И ладно, и до свидания! —
Я выйду на воздух утренний
Усталая и разбитая,
Уткнется случайно в кудри мне
Пушинка, с травинки сбита,
Смахну, улыбнусь, уверю,
Что это — примета верная:
Надену сорочку белую
И выйду навстречу первая.
Услышу с другого бережка, —
А голос-то, как соколовище,
Раскатистый: «Здравствуй, девушка!»...
Конечно же ты, а кто еще!

* * *

Пришла Судьба и села на крыльцо,
Я видела, но к двери не рванулась,
Она ж опять оскалится в лицо,
А я едва от прошлого очнулась.

Несчастливая, она искала кров,
Укрытие от голода и стужи,
А я жалела для бродяги дров
И миски супа постного на ужин.

Обидно стало — где же ты была,
Когда душа спасения искала,
А злба за околицей села
Ее толпой стоногой убивала?

Теперь в мою тасжную нору,
Куда не заползают и монахи,
Приволоклась и мерзнет на юру,
И воскрешает умершие страхи.

Действительно, Судьба везде
найдет...

Впущу, а то совсем околеченеет.
Смородиновый чай и дикий мед,
Надеюсь, нас обеих отогреет.

* * *

Вытрясу душу,
Смахну прошлогоднюю пыль,

Детей как одной поднимать?
 К счастью там разобрались
 Что был не виновен отец
 Не оправдывались, не извинялись
 Не переживал и доносчик-подлец.
 В январе сорок первого года
 Переехали в Вологду жить
 Морозная была в ту пору погода
 Старались повсюду метели выюжить.
 А через год — большая утрата
 Беда: умерла его мать
 Нет рядом отца и старшего брата
 Чтоб большую семью поднимать.
 Отец на фронте воюет
 Захватчиков бьет во всю мочь
 Детей вспоминает, конечно, тоскует
 Но лишь молитвой им может помочь.
 В Никольском детдоме
 Коля пошел в первый класс
 Там будто в родительском доме
 Продолжил он жизни рассказ
 В детдоме он пишет стихи
 Печатаются в стенной газете
 И стихи были те не плохи
 Все узнали о местном поэте
 Играл хорошо на гармошке
 Не плохо и рисовал.
 Бывал сыт одной картошкой
 А периной служил сеновал.
 Старался он в школе учиться
 Оценки четыре и пять
 Настырным был, не ленился
 Смог себя сам воспитать.
 В лесной техникум поступает
 В нем пишет частушки, стихи
 И весело на гармошке играет
 Такие вот жизни штрихи.

Альбина КОРОЛЕВА

У МЕНЯ ЖИВУТ В КВАРТИРЕ.

У меня живут в квартире
 Кукла Аня, кукла Ира.
 Папа, мама и сестрёнка.
 Черепаха, два котёнка.
 Много книжек у меня.
 В общем, дружная семья.

Март 2014 г.

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ МОЙ РОТ?

Почему молчит мой рот?
 Он ест вкусный бутерброд.
 Когда ем, всегда молчу,
 Не болтаю, не кричу.
 Чинно за столом сижу,
 И в окошко не гляжу.
 По квартире не брожу.
 На кровати не лежу.
 И прошу ребят учесть:
 Только в кухне надо есть!

2014 г.

* * *

Утром солнышко вставало.
Ушки, глазки умывало.
Улыбалось всей планете,
А в особенности детям!

Апрель 2014 г.

* * *

От сердца к сердцу по тропинке
Шагает книжка налегке.
А в ней весёлые картинки
Сидят в нескучном рюкзаке.

А в ней мальчишка первоклассник
Мечтает к звёздам полететь.
А в ней Весёлый Детский Праздник
Бежит, чтоб к нам с тобой успеть.

А на шестнадцатой странице
Покажут в Цирке представленье.
Там клоун Эдуард Синицын
Съест банку целую варенья.

А на странице сорок первой
У Даши с Машей сдали нервы:
Не хочет Колька пить микстуру,
И измерять температуру.

А на странице сорок пять
Мы будем буквы повторять.
И мама скажет нам опять:
«Вы — молодцы, но нужно спать»...

Уснули добрые картинки
В своём нескучном рюкзаке,
А книжка дальше по тропинке
Идёт к ребятам налегке.

21 марта 2015 г.

ЖУК

Трое жёлтеньких цыплят
Так поймать жука хотят!
Жук переливается! —
Цыплята удивляются.
Подкрадывались тихо,
Но улетел жук лихо!

2014 г.

КОТЯТА

Под лапкой у мамы
котятам тепло.
А время придёт,
мама даст молоко.
И песню споёт,
и щёчки умоет.
Котятam секреты
кошачьи откроет.
Как сладко под лапкой
у мамы дремать.
С любовью уснуть,
С любовью встать!

ПРЯТКИ

Раз, два, три, четыре, пять
Я иду тебя искать.
За комодом тебя нет.
Может, спрятался в буфет?
В холодильник загляну —
Не исчез же на Луну?
Под кроватью тебя нет.
— Где ты, братик?
А в ответ
Мне немая тишина.
И вдруг слышу
— Оба-на!
— Где же был ты, шалунишка?
— Под столом читал я книжку.
Там про космос, про планеты.
О Земле, теплом согретой.
Книги я люблю читать,
И мечтать, мечтать, мечтать!

2014 г.

Николай КУЗНЕЦОВ

Стихи из сборника «Летящие»

СВОБОДА ОСЕННЕГО ЛИСТА

Дали свободы всласть,
Только он не заметил.
Даже куда упасть —
Нынче решает ветер.

Впрочем, нельзя сказать,
Будто бы стало хуже.
Нету пути назад
Тем, кто уже не нужен.

* * *

По-английски, без прощаний
Растворилась где-то осень.
Зимних дней, как обещаний,
Мы давно уже не просим.

Межсезонье... Ждём кого-то...
Между будущим и прошлым...
У природы тоже квота —
Всё не может быть хорошим.

* * *

Зимнею ночью не снег, а дождь,
Кажется, солнце умчалось к югу
С птицами вместе. Его ты ждёшь,
Радуюсь, будто бы встрече с другом.

* * *

Зимний день, ленивый и короткий,
Нехотя поднялся ото сна,
Крутит на небесной сковородке
Солнце для яичницы слона.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

Средь размытых очертаний
И неясных силуэтов
Поэтических метаний
Появляется вдруг где-то

Безобразная фигура,
И неспешными шагами,
Мрачно, тяжело и хмуро,
Предстаёт она пред вами...

Стих написан. Остаётся
Шлифовать лучами солнца.

* * *

Летние ночи — сыра кусочек
С привкусом радуги.
Но не увидеть зимой их воочию...
Впрочем, порадуят

Дни, что короче с каждой ночью,
Снега безмолвие.
Зимними днями летние ночи
Солнце напомнило.

* * *

Один сидит на привязи,
Ну а другой вперёд скользит.
Такая, видимо, стезя —
Одним — дано, другим — нельзя.

Шуметь — одним, другим — звенеть.
И это не уразуметь.

ШАХМАТЫ

Фигуры выстроились в ряд,
Точнее, в два ряда.
Напротив них уже стоят
Другие господа.

Опять война... Неважен смысл,
Но неизменна суть:
Есть только полководцев мысль,
Про прочее — забудь.

Хоть ферзь, хоть пешка, в свой черёд
Пожертвуют тобой...
Ну а пока иди вперёд,
Уже начался бой.

* * *

«Время уходит наше...»

Н.А. Кузнецов

Время уходит наше,
Словно снежинок рой...
В окна снежинки машут
И говорят: «Открой!»

Скоро мы улетаем...»
Только ещё вчера
Листьев осенних стая
Так же звала с утра.

МОНОЛОГ ОДНОГО НЫТИКА

«Скучных будней суета
Пролетит без остановок...
Жизнь давно уже не та,
Красок не хватает новых...»

Прошлое ушло уже,
Будущее только будет...
Много грязи на душе,
Много пыли на посуде...»

Так сказал он и ушёл.
Все вздохнули с облегченьем,
Потому что хорошо
Жить и без нравоучений!

ДОРОГА В СНЕГУ

Кто эту дорогу
Проложил в снегу?
(Здесь прохожих много,
Все по ней бегут.)

Может, тот, кто первый
Здесь оставил след?
Нет, дороги верной
И в помине нет.

И второй, и третий
Здесь пройдут, ворча,
По снегам, как плети.
Ноги волоча.

Каждый, хоть немного,
Вносит в свой черёд.
Потому дорога
И идёт вперёд.

* * *

Долго ли, коротко длится ночь,
Зимняя ночь — без конца, без края.
Кажется, солнце должно помочь,
Тем, кто печали с души стирает...

Солнце взойдёт, но подумай сам:
Нужно ли ждать до его восхода?
В зимнюю ночь верить чудесам
Нам повелела сама Природа!

* * *

Выше леса, выше тучи,
Где поднялись гор отроги.
Жил на севере могучий
Великан в своей берлоге.
Хоть и был он неуклюжий,
Но зато большой, высокий.
Все моря ему — как лужи,
А леса росли осокой.
И мечтал он дотянуться.
(Ну, хотя бы только пальцем)
До сияющего блюда,
До небесного скитальца —
Солнца. Вот оно же, близко!
Но никак не получалось.
Вроде, так спустилось низко,
Что осталось-то лишь малость —
Лишь на цыпочки подняться...
Только толку никакого!
Великан и рад стараться,
Но, видать, Земли оковы
Не пускают его в небо,
Привязав к себе собою...

Сколько бы великим не был,
Только помни, над тобою
Проплывает и смеётся,
Согревая своим взглядом,
В небесах высоких Солнце.
Хоть и кажется, что рядом!

НА БЕРЕГУ ЛЕТЫ

(один день Николая Рубцова)

Леониду Вересову

...Из комнаты потихоньку прошёл в ванную, поскрёб бритвой щёки и подбородок, умылся. Мокрой пластмассовой расчёской прошёлся по волосам. «Скоро уже и не нужна будет расчёска-то...»

Слышно, как из второй комнаты кто-то прошёл в кухню. Да понятно кто — жена этого «партийного работника».

«Он первый начал-то вчера: «Вы снова пьяны... У нас дочь...» Да, я выпил... Имею право... Никому не мешал. Нужна мне ваша дочь... Ну, так и ответил этому борову да и спать ушёл... Вроде бы всё, ничего больше не было...»

Громко щёлкнул задвижкой, и вышел из ванной, мимо кухни прошёл, стараясь не очень торопиться, к себе — в комнатку-пенал.

Ничего вслед не сказали...

Попил холодного чая с куском батона... И курить не стал.

«Правда, может, людям неприятно, что дымом пахнет. Некурящие».

Стрелка на брюках не вполне идеальна, да ведь и не на праздник или приём к начальству, пиджачок — в порядке. Рубашка... Ну, более менее. Дырку на носке в ботинке не видно. Прошёлся щёткой по носам старых ботинок. В настенное маленькое зеркало глянулся, насколько мог увидел себя на фоне розовых (противный же цвет!) обоев, раскладушки, закинутой одеялом... Ещё у него есть стул. И, между прочим, проигрыватель (купил с горнора) и пластинки, и гармошка есть, а гитару у Клавдия Захарова оставил, всё равно здесь не поиграть...

Ну что? Что делать-то?.. «Пойду на ветер, на откос... пошевелю остатками волос». Сам себе усмехнулся. По карману пиджака хлопнул, какая-то мелочь отозвалась...

Решил сегодня, наконец-то, съездить в Прилуки.

Как сказка вспоминались дни жизни в Прилуках. Да ведь детство — сказка и есть. Старая и неповторимая. Вся семья была ещё вместе. И жили в каком-то домике вблизи монастыря, стены и башни которого напоминали картинку из книжки «Сказка о царе Салтане». И мягкий зелёный луг под стенами, река... Вот эта самая река. Можно просто идти-идти по берегу — и придёшь туда... В детство? Нет, в детство уж не придёшь. «Так что — едем на автобусе. Какой у нас туда ходит-то?..»

Вспомнил, что ходит туда третий автобус. Это значит или в центр идти к спортзалу «Труд» или же на улицу Чернышевского к кинотеатру...

Кроме памяти детства, звал в Прилуки поэт Батюшков, похороненный в стенах Спасо-Прилуцкого монастыря. Загадочный поэт, с которым он уже пересекался не раз. В библиотеке ин-

ститута читал его биографию, узнал, что Константин Николаевич бывал и живал в усадьбе Олениных, в Приюти-не под Ленинградом, вернее, конечно под Петербургом... Но ведь и он, Николай Рубцов, там жил! Наверняка в том самом доме, где бывал Батюшков. Дом большой усадебный. Там жил брат Алики с семьёй. Там и для Николая место нашлось, может, в той самой комнате, в которой отдыхал Константин Николаевич...

«Может, мы с ним под одними деревьями стихи писали! Там вон какой старый парк-то...», — думал Николай Рубцов, шагая по берегу реки Вологды, густо заросшему внизу у воды ивовыми кустами. А наверху — тополя... Осень уже ощутима (ведь сегодня последний день лета) — тепло, солнечно, а уж листва с тополей опадает, шуршит по земле шевелимые ветром бурые листья... Ивы тоже начинают желтеть...

Впереди церковь, обнесённая забором, какой-то склад там...

Он любит постоять здесь, посмотреть на тот, более низкий берег. Штабеля брёвен, плоты на воде, речной вокзал и рядом ресторан «поплавок», в котором вчера и поднабрался, деревянные двухэтажные дома, и дальше город со старыми и новыми домами, автобусами, людьми — всё, как на ладони.

Достал из бокового кармана пиджака пачку «Севера», коробок. Прикурив со второй спички — ветер порывами налетает.

«Живу вблизи пустого храма...» Опять закрутилась строчка. И тут пришло её продолжение: «...на крутизне береговой... и городская панорама открыта вся передо мной»...

— Здравствуйте! — послышалось за спиной. — Вы поэт Рубцов?

Обернулся, сдержал раздражение в себе:

— Да. Здравствуйте.

— Петров, Вася, — протягивая руку, говорил невысокий светловолосый крепыш, лет двадцати пяти (ещё и голубоглазый, и с чубом на глаза).

Пожали руки друг другу.

— Не помешал? — спросил Вася.

— Да нет...

— Прочитал я вашу «Звезду полей», ну, и другое тоже в газетах видел...

— Ну...

— Ну... Вы как будто из прошлого века, — улыбаясь, сказал Вася Петров.

Рубцов с прищуром и усмешкой смотрел на него. Откинул окурочек. И тут же достал пачку снова, протянул Петрову.

— Я не курю.

— Ты, наверное, и зарядку делаешь? — спросил Рубцов, достал папиросу, чиркнул спичку и закурил.

— Делаю и зарядку, — поняв, видно, усмешку, — уже серьёзно ответил Петров и дальше без улыбки говорил. — Настроение в ваших стихах, в основном, унылое. Индивидуализм... Язык как из другого века...

— Про другой век ты уже говорил.

— Да... Я вот работаю на «Северном коммунаре». Скучать некогда. И стихи соответствующие...

— А я думал ты под Есенина...

— Есенина я преодолел. Вот послушайте, что теперь пишу, — Петров расставил ноги пошире, напрягся: — И план мы даём, и сверх плана даём! Но каким трудом! Чуть, и вспыхнем от накала!..

— Ты смотри не вспыхни... Василий тебя звать-то?..

— Да... Вот так пишу, в общем, потому что за мной коллектив...

— А передо мной... Церковь вот... Река... Небо... Ты знаешь, что это за церковь?

— Нет.

— А я узнал. Андрея Первозванно-го... Он, между прочим, рыбаком был. Андрей-то... И его первого Христос по-звал, и он пошёл...

Василий Петров смотрел на Рубцо-ва растерянно. Опять выдавил из себя:

— Я и говорю — из другого века...

— Из вечности, юноша... Я вот тебе тоже прочитаю:

*Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость ... на каком-то... берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.*

*Я ближнего люблю, но ты,
природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!..*

— Ну, и так далее. юноша.

— Это вы написали?

— Это поэт Батюшков написал. И я хочу сегодня побыть с ним. До сви-дания. — Отвернулся и пошёл троп-кой мимо храма...

Василий Петров смотрел ему вслед, кажется, хотел что-то ещё сказать вдо-гонку... Но передумал, тоже развернул-ся и энергично пошагал в сторону за-вода «Северный коммунар»..

Рубцов вслед за тропкой сбежал под берег. В прогале между кустами, у са-мой воды, стоял с удочкой в руках маль-чишка — в кепке, в свитерке, коротко-ватых штанах. внимательно смотрел на поплавок, рядом на камне стояла тар-ка, в ней, наверное, уже был какой-то улов — кошачья радость. Не стал отвле-кать мальчишку, прошёл мимо. Только запомнил его, или вспомнил себя тако-го же, на берегу другой реки... Тропка снова поднялась в берег, нырнула под пролёт моста и выпрыгнула на широ-

кую набережную, мощёную булыжни-ком — асфальт сюда ещё не добрался.

И не было в нём, Николае Рубцове, уже никакого раздражения от ненуж-ного разговора, а была уже почему-то радость от встречи, которая ещё не случилась, но будет. будет...

У другого берега лодочная стан-ция — длинные мостки, к которым прицеплены лодки: «Казанки» и ещё какие-то, катера даже... Мужик на правом плече несёт мотор, а в ле-вой канистра... Рядом мальчишка... А выше на берегу — шатёр цирка.

Цирк... Два раза он всего и бывал-то в цирке. Первый, когда их траулер разгрузился в Мурманске... Трое суток стояли там. С Вовкой Деятовым хо-дили на представление. Вовка потом, когда возвращались по ночному горо-ду в порт, всё гимнасток нахваливал и такое говорил про них, что у Коли (он сам чувствовал) в темноте уши го-рели, но он лишь похохатывал в ответ и стеснялся говорить о том, что ему понравились клоун и дрессированный медведь... Потом ещё раз был в цир-ке уже после службы, в Ленинграде. Какую-то Олю или Галю водил. С Ва-лей Горшковым пригласили двух под-ружек с завода...

Он удивлялся этому свойству памя-ти («Только у меня или у всех так?», — думал) — уноситься мгновенно в та-кую даль, а и всего-то увидел на про-тивоположном берегу у моста шатёр цирка. «Надо будет Гету с Ленкой свод-ить обязательно! Вроде собирались приехать...».

Проносились по реке с моторным гулом лодки — оставляя за собой тре-угольный волнистый след. Впереди, за мостами, на том берегу, возносил в небо купола Софийский собор, а ря-

дом ещё выше — золотое сердце Вологды, купол соборной колокольни...

Прошёл мимо двухэтажных деревянных домов, мимо церкви, в которой сейчас валеночная фабрика, мимо пешеходного моста, мимо старых кирпичных домишек и ещё одной церкви, обнесённой лесами реставраторов, вышел к большому Октябрьскому мосту. На другой стороне улицы Чернышевского старинное каменное здание в три этажа — военный госпиталь. Не стал переходить улицу, повернул и вскоре был на остановке автобуса, что напротив кинотеатра «Родина». На афише — «Бриллиантовая рука». Говорят, что смешной фильм...

Подъехал автобус третьего маршрута, встал, накренившись набок, со скрипом раскрылись двери.

Он вошёл в почти пустой автобус и замешкался с оплатой. Женщина-кондуктор взглянула так, будто сказала — «ну». Пожилая, с тяжёлой кожаной сумкой на шее... «Почему она, вот такая уже немолодая, работает кондуктором? Почему с утра уже уставшая?..» Невольно возникли такие вопросы. Вспомнилась сразу и та архангельская кондукторша, что орала на него, требуя «платить или слазить»... А он не знал, как добраться до «толкучки», ему сказали до конечной ехать, он сел и поехал...

*«Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом...*

*Ах, как это погано,
Ах, кондуктор, кондуктор!..»*

Хорошо — заплатила тогда за него какая-то сердобольная женщина, проходящая на мать...

— Есть у меня, есть... — достал из кармана пиджака пятак, подал.

«Что ж у меня на лбу что ли написано — денег нет?..» Прошёл в почти пустой салон, сел у окна...

Да, тогда в Архангельске без копейки был, и сейчас не густо в кармане. Но есть... Гонорар-то неплохой был за «Звезду полей»... Да что «неплохой» — большие деньги... Но вот, как-то уже и... рассосались...

Проезжали мимо тюрьмы: забор с колючей проволокой поверху, потом ещё кирпичная стена, а за ней уж и здание с зарешёченными окнами... «И там люди живут... Везде люди... Как там в частушке-то?..

*Из тюремного окошка
Вижу город Вологду.
Принеси, сударка, хлеба,
Умираю с голоду.*

Почему в Николе пели такую частушку? Значит, бывал кто-то в этой тюрьме...»

Впрочем, за окном давно уже была не тюрьма — двухэтажные оштукатуренные дома, какие-то сараи, совсем уже избы... Река за домами и кустами проблескивает. На берег выехали — за рекой большие деревья парка Мира, впереди по ходу движения — железнодорожный суставчатый мост, а за ним башни и стены монастыря. Прилуки...

Автобус встал перед шлагбаумом... Долго грохотал товарный поезд с северной стороны. Потом, после минуты тишины, с другой стороны — от Вологды в сторону Архангельска пролетел пассажирский поезд... «Прекрасно небо голубое, прекрасен поезд голубой...» Да, большой кусок жизни в поездках прошёл. Но теперь, кажется, всё, всё — осел в Вологде всерьёз и надолго. А небо, действительно, голубое... Но даже и в небе, чистом и голубом, есть что-то осеннее, неотвратимое.

Автобус перевалил железнодорожные пути, проехал под монастырской стеной и тяжело, будто устал, остановился на конечной. Скрипнули двери. Вышла женщина, вышел старик... Вышел и Рубцов. С последней ступеньки он обернулся и сказал: «Спасибо».

Кондукторша, будто очнувшись от сна или каких-то своих мыслей, вскинулась:

— Да пожалуйста..., — и вдруг улыбнулась.

— Счастливы билет-то, — пояснил Рубцов, тоже улыбнулся и не выкинул бумажку, а сунул в карман брюк.

Сразу закурил, что-то вспоминал и не мог вспомнить. Рядом с ним курил шофёр — водитель автобус, седоголовый, плотный мужчина.

— Здравствуйте, — обратился к нему Рубцов. — Вы не знаете, автобусы давно сюда ходят? В сороковом году ходили?

Шофёр кивнул, задумался...

— В сороковом... Да... Самый первый маршрут в городе и был от вокзала — сюда, через весь город. В тридцатых где-то появился... Даже точно скажу — в тридцать восьмом. Тридцать лет назад... Вот какие мы старые! — покачал головой улыбаясь. — Я ездил... Такие были фанерные сарайчики на колёсах.

— Ну, значит, и я ездил! — сказал Рубцов.

— Ну, счастливо, тогда, — сказал шофёр и полез в кабину автобуса.

— И вам счастливо!

Скрипнули снова двери, человека два или три сели в автобус и он, качнувшись, чихнув мотором, отъехал от остановки.

Николай осмотрелся — вон вдоль дороги ряд изб, и старый дом с каменным низом и деревянным вторым этажом —

наверное, бывший купеческий... «В каком же доме мы-то жили? Не в двухэтажном, точно. В избе какой-то...» Получалось, что почти в любом доме на этой улице могли жить, и на соседней улице тоже... «Нет, ближе к реке, но не на самом берегу... Монастырь было видно... А с другой стороны церковь была... Точно! Не в монастыре, а рядом — церковь каменная». Он осмотрелся и сразу же и увидел купол и шпиль без креста, по улице правее монастыря. Туда и пошёл. От монастырских ворот — дорога, как раз к церкви и выводит... И домишки вдоль дороги всё такие же — избы деревенские, а вот опять высокий дом, красивый — весь в резьбе... Нет, они в простеньком доме жили... У калитки одного из домов увидел старика.

— Здравствуйте...

— Здорово..., — старик со впалыми в седой щетине щеками, в кепке-шестиклинке, туго натянутой на голову, посмотрел с любопытством на него. — Чего-то не помню...

— А я давно здесь и не был... Почти тридцать лет.

— Тутешний родом-то?

— Нет, мы приезжие, недолго тут жили, не помню только где..., — Рубцов достал папиросную пачку, встряхнул и досадливо поморщился — кончились папиросы.

— Так на-ка, парень, я тебя угощу, — старик достал тоже «Север», сам взял папиросу и протянул пачку Николаю. А тот, взяв папиросу, чиркнул спичкой и держал огонёк в ладонях, пока старик прикуривал, потом и сам прикурил, огарок спички сунул под днище коробка...

— Вот не помню, в каком доме-то жили, — повторил Рубцов, — а где-то здесь...

— Не знаю уж, парень...

— А как церковь называется? — зачем-то спросил Рубцов.

— Никольский храм. Святого Николая Чудотворца на Валухе. Ручеёк там есть — раньше речка была — Валуха. Там рядом и старая дорога на Архангельск шла, и мост на Вологду там был, сваи ещё остались от моста-то...

— Вот там дорога на Архангельск была? — переспросил Николай.

— Да. А в ту сторону — на Кириллов, через Кубенское, через Новленское...

— Новленское? Я там бывал, — вспомнил Рубцов, недавнюю поездку к бабушке Серёги Чухина в какую-то деревеньку близ большого села Новленского...

— Да. Там в Новленском-то, говорят, старообрядцы жили...

Николай понял, что старику хочется поговорить, и его память тоже далеко заносит:

— А в монастыре что? — перебил.

— Воинская часть... А ведь тюрьма была тут, — понизив голос стал говорить старик. До войны — всё тут пересылка была. В тридцатом-то году, слышь, что тут творилось — кулаченных гнали через нас север. Ой сколько же их тут было, всё больше — украинцы... Умирали... Слышь, парень, нас тут местных поряжали возить их... Ну, трупы-то... Я возил... В Чашникове — это не далеко, вниз по реке, в лесочке, говорят, зарывали, я-то возил только... Зимой, на санях... А там уж другие... Прямо, говорят, в поле... Там сейчас всё поля — совхоз «Красная Звезда»... Ох много их тут... И за что страдали люди...

Николай сразу вспомнил об украинском колхозе неподалёку от Николая в Тотемском районе — высланные

украинцы в лесу выстроили бараки, вырубали лес, распахали пустоши. И в голодные военные годы уже в богатый украинский колхоз ходили местные бабы выменивать одежду на хлеб. И с детства помнил те уважительные слова: «Умеют работать украинцы». Потом, в пятидесятые, украинцы вернулись на родину. Наверное, здесь, в монастыре была одна из остановок на их крестном пути... Колхоз-то в лесу строили уже те, кто выжили...

— Тюрьма, значит, была?

— Да, пересылка.

Вспомнился опять странный эпизод с убежавшим человеком, которого задержал отец. Он уже записал тот случай в рассказике «Дикий лук»...

— Так у тебя как фамилия-то? — спохватился старик.

— Рубцов.

— Нет, не помню таких...

— Да мы не долго и жили-то тут...

— Не помню, — будто бы и виновато ответил старик. — Ты возьми ещё курева-то, — протянул пачку.

— Нет, отец, спасибо, я кунлю. Где магазин-то у вас?

— Так в доме у остановки, ты мимо проходил...

— А-а, ну спасибо. До свидания, дедушка.

— До свидания, — кивнул старик и добавил: — Внучек...

Николай дошёл сначала до церкви — полуразрушенной, обросшей кустами, крапивой... Вышел на берег, и здесь увидел вымощенную камнем старую дорогу от реки на север... Ту самую — старую Архангельскую... Сколько же старых дорог на Руси! В Ни́колу он тоже по старой дороге ходит от паромы у села Красного. И Серёга Чухин говорил, когда ехали в

автобусе в Новленское, что есть старая Кирилловская дорога вдоль озера...

Старые дороги, вечные дороги, вдоль них-то и стоят до сих пор деревушки, и церкви — памятники былой веры и мученичества, по ним уходили мужики на войну... «А вот по этой, может, сам Ломоносов в Москву шёл... А по какой же ещё-то!» — решил вдруг для себя Рубцов и даже с уважением посмотрел на булыжники мостовой.

По берегу вернулся к монастырю... Где-то вот здесь на этом лужке между монастырской стеной и рекой и отдыхали тогда. Они с Аликом искали дикий лук, отец купался, мать с Борей на травке сидели...

По тропке под могучими древними стенами шёл, заглянул в бойницу и увидел, что толщина стены метра два... Покачал головой.

А посреди реки качалась лодка, мужик в ней сидел, поднимался и опускался «паук», и каждый раз несколько рыбин бултыхались в сетке. Ну, это не рыболовецкий трал — точно уж... А на том берегу, в лугу, у кустов дымит костерок...

Он обошёл вокруг монастыря и подошёл к воротам. Машина выехала — военный грузовик. И ворота закрылись, рядом калитка и солдатик стоит...

«Не пустят ведь. Воинская часть...», — понял Николай.

— Здравствуйте, мне бы туда пройти, я писатель, — сразу же достал корочки писательского билета (только весной и получил билет-то), надеялся, что это поможет (вообще-то и не надеялся).

— Не положено... Не положено, отойдите...

— Позови-ка старшего мне.

Солдат покачал головой, поправил штык-нож в ножнах на ремне и всё же позвал, обернувшись за ворота:

— Товарищ, лейтенант, тут вот лезет, какой-то...

К калитке подошёл лейтенант в португее, фуражке, сияющих сапогах, с кобурой на боку — серьёзный... Мальчишка почти, одного возраста, наверное, с солдатиком-срочником.

— Что вы хотите?

— Здравствуйте, товарищ лейтенант. Я писатель, я в газете работаю... — снова показал удостоверение. — Здесь, в монастыре, могила поэта Батюшкова, мне нужно посмотреть...

— Нельзя... А какая газета?

— «Вологодский комсомолец»...

— Подождите-ка, я спрошу... А фамилия ваша?

И Рубцов ещё раз достал из кармана и раскрыл удостоверение:

— Рубцов. Николай Рубцов...

— Вы — Николай Рубцов?

— Да...

— Здравствуйте... Я читал. У меня жена здесь в библиотеке работает, недавно ваша книжка поступила...

— Эта? — спросил Николай, и достал из внутреннего кармана «Звезду полей».

— Да. Знаете, мне очень понравилось, а жена, вообще... Знаете, я проведу... Пойдёмте.

— А не попадёт тебе, лейтенант? — тихо, чтобы не слышал рядовой, спросил Рубцов.

— Так я тут сегодня за старшего. От кого попадёт-то...

— А у кого спрашивать-то хотел? — напомнил Рубцов.

— Да, ладно, — махнул рукой лейтенант и улыбнулся.

Они вошли во двор монастыря, он тоже бы вымощен камнем. Посреди — огромный, обшарпанный, но величественный собор, от него

переход в другое большое квадратное здание...

— Мне жена рассказывала — вот это, трапезная палата, в ней поляки. они монастырь захватили, сожгли монахов, пятьдесят человек... Знаете... А могилы вот там... Там и Батюшков есть, точно...

Из церковного подвала солдаты вытаскивали и забрасывали в кузов какие-то ящики и мешки...

Они прошли на площадку за храмом, где в беспорядке стояли надгробные памятники — мраморные, гранитные тумбы с отбитыми крестами, с неразличимыми почти надписями...

— Конечно, не на могилах стоят, так уж поставили, чтобы не валялись, — пояснил лейтенант. Тихо добавил: — Знаете, скоро мы отсюда уедем. Музей, говорят, будет, так всё на места поставят...

— Не знаю, — Рубцова стал раздражать это постоянное «знаете»... — А где Батюшков-то?

— Вон... Знаете..., — лейтенант споткнулся на слове, поправил портупею и так идеально сидящую на нём.

— Ну, пойдём, лейтенант, пойдём, — мягче сказал Рубцов и подошёл к ограде, в которой стояло надгробие белого мрамора. — А его могила?..

— Точно не знаю, но ограда и памятник были здесь, на этом месте уже давно...

Сверху на памятнике был небольшой металлический шар и крест. На бронзовом медальоне посреди тумбы знакомый по рисункам Пушкина и автопортретам профиль, под ним: «Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде...»

— Тоже офицер. три войны прошёл, — кивнув на памятник ска-

ла Рубцов. И спросил: — Знаешь, что-нибудь из его стихов?

— Специально брал в библиотеке сборник... Такое у него есть длинное, где всех высмеивал, чего-то — на берегу...

— «Видения на берегу Леты», — вспомнил Николай.

— Да-да..., — закивал лейтенант. — Ну, вот эти у него ещё стихи, самые известные «О память сердца...».

— «...ты сильнее рассудка памяти печальной», — закончил Рубцов. — А ты знаешь, Пушкин, разбирая его стихи — эти две строчки отчеркнул и подписал — плохо, а дальше про всё стихотворение, которое никто и не помнит, написал что, мол, великолепно или как-то так... Странно, да?..

Лейтенант пожал плечами:

— Ну, знаете, мог и Пушкин ошибиться...

— Нет, — резко оборвал Рубцов. — Пушкин не мог ошибиться. Просто мы ещё не всё понимаем... А, знаешь... — остановился, усмехнулся тому, что перенял невольно слово у лейтенанта. — Хорошо было тут лежать, когда монахи жили, в колокола звонили, пели в храме... Он обернулся к храму... — Представляешь?.. Колокола, небо, молитва... Мы все живём вблизи пустого храма... Потому и не знаем, где могилы наших поэтов... и матерей... Вблизи пустого храма... Ну, спасибо, пошли.

Вернулись к воротам.

— Как тебя зовут-то, лейтенант?

— Игорь...

— Игорь, — это, между прочим, Георгий. Хорошее имя для офицера.

— Почему?

— Ну — Георгий Победоносец...

— А..., — лейтенант, видимо, не совсем понял Рубцова. Он о своём думал: — Николай...

— Михайлович, но можно и без этого, — отозвался Рубцов

— Николай Михайлович, а вы бы не могли в библиотеку зайти? Это здесь, в Прилуках, не далеко, жена бы так обрадовалась...

— Спасибо, Игорь... Знаешь... Не сегодня. Я ещё приду сюда, вернусь. А пока, вот что... — он достал из внутреннего кармана книжку. Раскрыл. — Ручка есть у вас?

— Есть. — лейтенант бросился в комнатку пропускного пункта, сделанную в толще стены рядом с воротами и калиткой. — Баранов, ручка где? Опять письмо писал и на место не вернул, — раздражённо крикнул лейтенант из комнатухи.

— Там она, товарищ лейтенант, в столе, — отозвался солдат, стоявший у железной двери калитки и с интересом глядевший на Рубцова.

Лейтенант вышел, подал чернильную ручку.

— Как жену зовут? — спросил Рубцов.

— Вера. «Игорю (Георгию) и Вере — на долгую счастливую жизнь дарю эту книжку в Прилуцком монастыре, где лежит Батюшков. где и я бы, может, неплохо лежал... Но... Ещё поживём! Счастья вам, ребята! Николай Рубцов. — Задумался и не поставил дату, а написал: — На берегу Леты».

Вернул лейтенанту ручку, подал книжку. Пожал руку.

— Спасибо, товарищ лейтенант. — Пожал руку и солдату: — Счастливого, хорошей службы...

— Спасибо...

Вышел за стены монастыря. Пошёл к остановке, к магазину — надо было купить папирос. Да пора уже было и пообедать...

В магазине купил пачку папирос, четвертинку чёрного, два сырка «Дружба». Подумал и взял бутылку вермута.

Снова на берег пошёл, под монастырскую стену, примял траву, сел... И не стал открывать бутылку. И есть не стал. Курил... Думал... Или вспоминал чего-то...

Мужик в лодке опускал и поднимал паук у самого берега, метрах в трёх буквально. Николай будто решил что-то для себя, резко поднялся с травы, откинул пустой мундштук выкуренной папиросы, к кромке воды спустился (берег тут был мокрый, вязкий и он почувствовал, что в ботинок попала вода).

— Здравствуйте, — громко сказал. Он понимал, что это глупо — здороваться с берега, но и как по-другому заговорить не знал. — Здравствуйте. — ещё раз, громче, сказал, видя, что его не слышат.

Мужик, вытащил и бросил на дно лодки трёх лещей, обернулся, кивнул:

— Здравствуйте.

— Вы не могли бы меня перевезти? Очень надо...

— Конечно, перевезу, — ответил мужчина и тут же взялся за вёсла и в два гребка подогнал дюралевую лодку с задранным мотором к берегу. Лодка, приминая водяную траву, мягко уткнулась носом в берег. — Залезай.

Николай, ухватившись рукой за носовой крюк с цепью, высоко задрал левую ногу, при этом почувствовал, как затекает вода и в правый ботинок... И завис на мгновение в этом неудобном дурацком положении. Да ещё бутылка, сунутая в карман пиджака, оттягивала полу. Рыбак тут же поднялся, ухватил за левую руку и помог влезть в лодку.

— Садись...

— Вот это и называется — одной ногой на берегу, другой на корабле. — И протянул на этот раз правую руку. — Николай. Рубцов.

— Толя, — просто ответил мужик. (Рубцов понял, что его фамилия Толе ничего не говорит). — Черпанул? — кивнул Толя на ботинки. — У нас там костерок, высушим...

Толя в чёрно-белой, изрядно захватанной, кепке, в брезентовой курточке, и клетчатой застиранной рубашке под ней, в брезентовых же, затёртых на бёдрах штанах, в литых резиновых сапогах. Лицо обветренное, чисто выбритое, с резкими морщинами от крыльев носа к губам.

Рыбины на дне лодки лежали, беззвучно раскрывая рот, или уже уснувшие, и вдруг выгибались, подпрыгивали, стучали хвостами. Одну Толя придавил сапогом ко дну лодки...

— А я работал когда-то на траулере, в море рыбу ловил... Как из трала на палубу вывалят — кипит прямо...

— Ну, у нас не море, — спокойно ответил рыбак, короткими сильными гребками направляет лодку через реку. «Паук», как большой сетчатый мешок болтается, поднятый лебёдкой над кормой лодки. — Нам и этого хватит, — спокойно говорит Толя. — Эту домой возьму, а ушица уже сварена. Сейчас и похлебаем...

Лодка снова ткнулась в берег, Толя первым вышагнул, за цепь подтянул лодку повыше, и Николай на этот раз выпрыгнул сразу на сухое.

Толя пошёл выше на берег, на травянистый открытый луг.

— А рыба? — окликнул его Николай.

— Пусть там остаётся, ничего с ней не будет, — махнул рукой Толя.

Николай поспешил за ним по приямтой высокой траве... Выскочила вдруг узкомордая черно-белая собака с загнутым в баранку хвостом, с привизгом, ткнулась в ноги рыбаку и тут же заурчала на Николая.

— Фу, Пыж, нельзя, свои, — резко сказал Толя, и пёс тут же развернулся и скрылся в траве. — Иди, не бойся, — сказал рыбак Николаю.

Тянул вкусный дымок... У костерка сидели двое парней лет по четырнадцать и жарили, наколов на ветки, куски хлеба...

— Привет, ребята! — первым Рубцов сказал. — О, хлебушек на костре — это вещь!

— Здравсьте, — буркнули парни в ответ.

— Ну чего, вы похлебали? — Толя спросил.

— Да, — аппетитно жуя горячий пахучий хлеб, ответил лопоухий похожий на Толю мальчишка.

— Тёзка твой, — сказал Толя Николаю, кивнув на мальчишку.

Парнишка дожевал хлеб, схватил лежавший тут же самодельный лук, с тетивой из капроновой нити. Вставил стрелу, свистнул. Пыж тут же вылетел из травы, будто ждал, когда позовут. Стрела резко взлетела, и дав дугу, упала куда-то за луг, в кусты. Пыж, не дожидаясь команды, бросился в том направлении, только видно было, как шевелится, обозначая его след, трава. И вскоре пёс вернулся, неся стрелу, положил к ногам хозяина.

— Дай. Колька, мне! — второй мальчишка, с хитроватыми шустрými глазами, выхватил лук. Колька хотел уж отбирать у него оружие, но тут Рубцов голос подавал:

— А можно мне попробовать?

— Только сильно не натягивайте, — Колька сказал.

— Теперь я! — второй парень схватил стрелу, а Рубцов отдал ему лук:

— Рабочая лайка! — с гордостью Толя ответил. — Белку зимой таскает также.

— Вы давайте-ка вон там постреляйте, дайте нам похлебать, — сказал Толя парням, и они убежали, по-

— Твои? — Николай спросил.

Николай сел на корягу, приспособленную под скамью, стянул ботинки. Толя тем временем срезал на ближайшем кусте ивы пару виц, воткнул их у костерка, сверху и нацепил ботинки Рубцова.

— Прямо уж из котелка похлебам, — сказал Толя, ставя на траву закоптелый котелок. Ложкой сдвинул

А Николай только сейчас вспомнил:
— Анатолий, давай-ка кружки-
го, — достал бутылку и разу же лихо
пробку сорвал. Достал еще хлеб и сыр-
ки из кармана.

— Ну, давай. — Подал Рубцову деревянную ложку, выставил и две железные зелёные кружки.

— За знакомство. — Выпили, заели ухой.

— Ты где живёшь? — спросил Николай.

— А-а... Это Октябрьский посёлок?..
— Да.

— Не вологодский что ли сам-то? —
Толя спросил.

— А где?
— А где я только и не жил, Толя.

— Это ты стихи, что ли, сейчас?..
— Да, это мои... Давай!

— А я вот тоже сочинил, — Толя сказал: — Ходить по родной земле босиком — это большое счастье. А мне сказали, что это Яшин...

— Да, это Яшин, Александр Яковлевич... А ты, видно, где-то прочитал

и забыл, потом как свои вспомнил. Так бывает.

— А ты чего поэт, что ли?

— Да. Я поэт. Жаль, книжки нет с собой...

— Ты так прочитай... Давай-ка, — Толя разлил. Выпили.

Рубцов на мгновение задумался, огляделся кругом и начал:

— Доволен я буквально всем,

На берегу сижу и ем ущицу,

Вкусную ущицу...

Стреляют угольки в огне,

А я валяюсь на спине,

Внимаю жалобному крику

Болотной птицы,

Надо мной

Между берёзой и сосной...

— Нет берёз и сосен здесь нету...

Нечего и врать... — махнул Рубцов рукой и коротко хохотнул.

— Это ты прямо сейчас сочинил, что ли?

— Да... Ерунда это, Толя, баловство... А ущица хороша. Ох и хороша. Давай по последней. — Разлил остатки. Выпили. Закурил, протянул пачку и Анатолию.

— Бросил, давно уже.

— А я вот не смог, а теперь уж, чего...

— Ну, никогда не поздно, тебе чего, сорок поди-ка...

— Тридцать три будет. ...Возраст Христа... Ты веришь в Христа?

Толя пожал плечами.

— А надо верить, надо...

Рубцов курил, приятное несильное опьянение, кружило голову, будто плыли снова в лодке...

— Вот такие вы... поэты... А тут живёшь..., — как-то грустно Толя сказал.

— Плохо, что ли, живёшь?

— Да нет, не плохо, жена, два сына... А чего-то... Вот как в песне-то: Дай мне такое дело, чтобы сердце пело! А такого-то дела и нет...

— Ну, дел много... А вообще, понимаю тебя... Вот поэтому-то и надо верить. Пойду-ка я... Тут ведь церковь-то не далеко.

— Да, за парком Мира, вон по дороге иди дак и придёшь.

— Вот и схожу. У меня ведь и отец там похоронен.

— А-а...

Рубцов натянул ботинки. Поднялся, отряхнул брюки.

— Ну, счастливо... Удачи и вам, ребята, — сказал ещё, подбегавшим парням.

— До свидания!

Он вышел на тропу, по которой вскоре попал в парк Мира — тут была аллея тополей вдоль берега, вглубь парка уходили дорожки обсаженные берёзами. Он свернул на такую дорожку и вышел на пустую поляну со сценой и скамейками перед ней, какие-то плакаты по краям поляны... Чуть дальше, за кустами акаций, спортивная площадка — турник, пирамида из двух наклонных лестниц, подобие гимнастических брусьев... Послышались голоса, шаги, на площадку с другой стороны вбежала группа парней, человек восемь. Николай присел на скамейке перед сценой, закурил, смотрел на спортсменов. Они все в одинаковых спортивных штанах и майках с эмблемой общества «Динамо». Один постарше, видимо, тренер, командует: «На пары... Подходы... Резче!.. Плотнее захват!.. Поменялись!» Парни по очереди обхватывали и подбрасывали друг друга, имитировали приёмы вольной борьбы... или клас-

сической. В этом Николай плохо разбирался. Хотя, бороться между прочим, когда-то любил, и на том самодеятельном уровне боролся неплохо... Это ещё в Тотмье было, в «лесном» техникуме, вскоре после школы. Любили там они побороться — кто кого повалит и на лопатки положит. Никто не учил, конечно, сами кто, что знает и придумает... Обхватывались за пояс и давай — или вверх вырвать, или в пояснице переломить, или прихватив руку и голову, разворачиваться спиной и, падая, увлекать за собой противника. Боролись без подножек и захватов ног. И ведь он, Колька, не уступал и более крупным ребятам — жилистый был, вертлявый, не прихватишь его, а он резко вплотную подходил, обхватывал и сбивал на землю... Бывало, что и в драку борьба переходила... А потом ещё в Кировске в техникуме у них тоже на физкультуре «самооборона» была, там уже физрук и подножки показывал и «через спину». И у него, Кольки Рубцова, между прочим, пятёрка была за «самооборону». А работа кочегаром на траулере и потом, уже в техникуме, разгрузка вагонов с картошкой и силёнку кой-какую дали — в учебке флотской подтягивался раз пятнадцать...

Вспоминал, покуривал, смотрел на здоровую молодость... По команде тренера парни стали кто подтягиваться на перекладине, кто отжиматься на брусьях. И убежали — как и не было их.

Рубцов поднялся, прошёл на спортивную площадку. Под турником встал, подпрыгнул, ухватился за перекладину с усилием подтянулся два раза и спрыгнул... Усмехнулся сам себе криво. «Молодость уходит из под ног... Всё ушла уже... Свои сто гени-

альных стихов я уже написал... Ну, ещё сколько-то напишу... Прозу буду писать! Да!»

Оглянулся, представился себя — лысоватого, в пиджаке, в брюках с задравшимися штанинами, в ботинках грязных — висящего на турнике. И засмеялся даже...

Хмель уже выветрился... И, что хорошо — не хотелось поддать ещё, пока не хотелось, да и где тут...

— Мама, грибок! — услышал голос и вздрогнул, так похож был он на голос дочери. В стороне, за деревьями гуляла девочка и её мама...

«Гета хотела приехать, Ленку привезти... В цирк обязательно сходим!..»

Шёл сейчас по дорожке обсаженной яблонями... Яблоки мелкие. И горькие.

А вот и кладбищенская ограда, вон и церковь.

Ворота ещё старые — с кирпичными столбами, с кованой калиткой, с крестом сверху... Прошёл. У церкви, у самого входа стоял нищий. Кажется, он и на похоронах отца тут стоял или другой это уже — но в такой же рванине, заросший, с гноящимися глазами и чёрной ладошкой, которую выставил перед собой. «Откуда берутся они, эти нищие? Нигде их больше в городе не видно... Где живут, ночуют, что едят?» В детстве, он ещё видел нищих, но те были не такие, тех называли странниками — они куда-то шли через их Николу... Были ещё после войны инвалиды на вокзалах, безногие, на тележках... Куда-то потом все разом пропали. И не стало никаких нищих. Только вот тут у церкви.

— Подай Христа ради, добрый человек.

— А я добрый? — сузив глаза, резко спросил Рубцов.

— Конечно, добрый, — ответил нищий и даже улыбнулся.

Усмехнулся, качнув головой и Рубцов, монету из кармана, в ладонь чёрную сунул.

— Храни тебя Господь.

Подумал и не пошёл сразу в церковь, решил зайти на обратном пути. По тропе попал в дальний конец кладбища, помнил, что у самой ограды хоронили. Да вот и могила в деревянной оградке, и скамейка, и столик... «Бывают, присматривают...», — подумал про Евгению, жену отца и её сыновей. Присел.

Вот тут бы и выпить, и поговорить бы с отцом... Узнать бы в кого же это у него да, похоже, и у братьев Алика и Бори судьба такая — бродяжья... Галя, сестра, рассказывала, что отец и мама из деревни уехали в Вологду, потом в Емецке жили, там-то он, Николай, и родился, потом ещё Няндомы была... А он помнит уже вот Прилуки, потом тот страшный барак в Вологде... «Что носило тебя, отец, по земле? Судьба или своя воля?.. Не ответишь... Знаешь, отец, я не обижаюсь на тебя. Была беда, прошла. А до того обида-то была — знал, что жив, а говорил, что погиб. А что было говорить-то?.. Ну, хоть увиделись... Я тоже, мотаюсь... Внучка у тебя, отец, растёт... Я, папа, поэтом стал, книжки у меня есть, всё хорошо... Всё хорошо». И оборвал этот «разговор». Встал и пошёл от могилы.

На церковной двери уже висел замок, и не было ни нищего, никого...

Пошёл по тихой, сжатой деревянными и двухэтажными деревянными домами улице, мимо обнесённого железным забором, со сбитыми крестами, перестроенного, и всё-таки хра-

ма... Автобаза в нём какая-то... А по правую руку — тоже церковь, и тоже какой-то склад там... «Живём вблизи пустого храма... Вот потому и живём так, и не держит ни что, ни дом, ни дети, ни что...».

Так думая вышел на высокий берег, здесь на пятачке асфальта памятник 800-летия Вологды... Вот отсюда в 1147 году начинался город... Впереди, на «соборной горке» (так зовут это место все вологжане) — стены вологодского кремля, Софийский собор и колокольня с золотым куполом...

Прошёл и под стенами Софийского собора. На самом высоком месте соборной горки, над береговым обрывом, между собором и ещё одной церковью (тоже пустой, зимой в ней лыжи на прокат выдают — сам видел!) стеклянный куб — выставка достижений местного хозяйства...

Он встал на самом откосе, посмотрел вверх и вниз по реке — на каждом её изгибе — церкви...

— Гуляешь, Коля? — окликнули сзади.

Отглянулся: журналист одной из районных газет, низкорослый и пухлый весельчак Булыгин, широко улыбался и протягивал руку.

— Ты как тут? — спросил Рубцов.

— Да меня редактор вместо себя на областное совещание отправил, вот... Ну и ладно, я чего — мне сказали я поехал... — Он говорил безостановочно. — Да, тебе же гонорарий у нас положен... Мы ж три стиха твои дали... Да... Ты ж у нас прямо как классик идёшь...

— И где я могу получить свои деньги? — оборвал его Рубцов.

— На почте, Коля, на почте! Пере-

водик будет, переводик... Но в счёт будущего можно и сегодня, — шёлкнул пальцем по горлу и кивнул в сторону скверика, где сидела на скамейке тёплая компания районных редакторов и журналистов. И все смотрели на них. И не подойти вроде нельзя — зазнался, подумают. А и подходить не хочется... Рубцов натянуто улыбнулся и помахал компании рукой.

— Коля, давай к нам, — крикнул кто-то.

— Пошли, Коля, — позвал и Булыгин.

— Нет, ребята, спасибо, не могу, — твёрдо сказал Рубцов, пожал пухлую руку Булыгина и пошагал по береговой тропке вдоль берега — ближе к дому... Вон уже за мостами и храм видно, у которого стоял утром... И пошёл туда, домой, перешёл по мосту на свой берег.

Целое путешествие сегодня совершил по обоим берегам реки Вологды...

И снова стоял на береговой крутизне, смотрел на реку, на город.

Уже вечерело...

Зашёл ещё в продовольственный магазин в соседнем доме. Взял хлеба, вина...

«Не ужиться мне с этими партийными... А как-то же надо жить-то...» — думал, подходя к дому. Своим ключом открыл дверь, и сразу в свою комнату, закрылся сел за стол... Ещё раз вспомнил весь этот день — реку, город, Прилуки, Батюшкова, рыбака Толю, отца... И красное солнце опускающееся за купола Софийского собора Вологодского кремля.

Взял ручку, заправил чернила из банки. Проверил на куске газеты, чтобы не пачкала... В записную книжку вписал без исправлений.

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

*Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.*

*Там, за рекою, свалка бревен,
Подъемный кран, гора песка,
И торопливо — час не ровен! —
Полощут женичины с мостка
Свое белое — полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.*

*Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,
Архитектурный чей-то опус,
Среди квартала... Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.*

*Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...*

Написал, подул ещё, чтобы чернила высохли, закрыл книжку, отложил ручку. Открыл банку кильки в томате, бутылку вина, отрезал хлеба. Выпил, поел... И лёг спать.

И спал он на берегу реки вечности...

Леонид ВЕРЕСОВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ВАХТА МОРЯКОВ

*Джеймс Паттерсон и Николай Рубцов.
Солёный вкус славы*

Как известно в Литературном институте у Николая Рубцова было много приятелей. Они условно делились на студентов — вологжан, студентов — почитателей, студентов — однокурсников. Видимо особой группой приятелей Николая Рубцова были и студенты знакомые с романтикой моря. Именно к таким принадлежал чернокожий советский офицер Черноморского флота Д.Л.Паттерсон. Личностью он был оригинальной и самобытной. При всём том надо учитывать, что литературные круги Москвы были довольно специфическим сообществом. Поэтому почти все заметные и известные поэты знали друг друга не только по творчеству, но и лично. Расскажем о Джеймсе (Джиме) Паттерсоне несколько подробнее.

В 1935 году уже знаменитый кинорежиссер Григорий Васильевич Александров приступил к съемкам своей новой ленты под названием «Цирк» с Любовью Орловой в главной роли. Картина была посвящена интернациональной дружбе народов. По сценарию, в одном из эпизодов ленты происходило «разоблачение» белой женщины — артистки американского цирка Марион Диксон. Ее «преступление» состояло в том, что она родила черного ребёнка.

Исполнителей на все роли нашли, а вот с «актером» на роль негритенка-сына Марион Диксон возникли сложности. Где найти чернокожего маленького мальчика, способного воплотить сценарный образ? Ассистенты режиссера сбились с ног. Они искали его по всей стране. Даже заглядывали в цыганские таборы и в Молдавии, и на Украине, и в Подмосковье.

Но «актер» нашелся в самой Москве — в семье чернокожего диктора радио Ллойда Паттерсона, приехавшего в Россию из Америки, и его жены-художницы Веры Араловой. Полное имя ребенка было Джеймс Ллойдович Паттерсон. Но дома все его называли Джимом, или, ласково, Джимка. Ведь будущему герою фильма «Цирк», ставшему известным на весь мир, едва исполнилось... два года.

Однако судьба Ллойда Паттерсона, нашедшего в России свою вторую родину, сложилась трагически. Несчастья одно за другим преследовали его. В начале войны, в Москве, он попал под бомбежку, был ранен, контужен, работу на радио пришлось прервать. Вместе с семьей он вынужден был эва-

куироваться в Комсомольск-на-Амуре. Как только угроза захвата столицы миновала, Вера Аралова с детьми вернулась домой и стала ждать мужа. Но он не приехал ни через месяц, ни через два, ни через три. Как в воду канул. Она и не подозревала, что ее супруга давно уже нет в живых. Ллойд тяжело заболел тифом, спасти его не удалось. Он был похоронен в чужом городе чужими людьми. Долгие годы Вера Ипполитовна, а затем и Джим Паттерсон пытались найти его могилу. Но обнаружить ее так никому и не удалось. Как и многим другим женщинам того времени, жизнь уготовила ей судьбу матери-одиночки. Все тяготы военной и послевоенной жизни, забота о детях легли на ее хрупкие плечи...

Чтобы как-то выйти из тяжелого положения, выжить, Вера Ипполитовна решила устроить Джима в Нахимовское училище. Вскоре она получила письмо из Министерства обороны о том, что ее сын, ученик пятого класса, принят в Нахимовское училище в городе Риге. Чернокожего парня, никогда и в глаза не видевшего моря, ожидала морская карьера. После Нахимовского он поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище, стал офицером и, плавая по Северному морю на кораблях, на подводной лодке, начал писать стихи. Невесть откуда обнаружился у него литературный дар. Любовь к поэзии настолько захватила его, что он решил круто изменить свою судьбу. Появление в стенах Московского литературного института молодого, симпатичного, веселого негра многих шокировало. Такого еще никому не доводилось видеть. Чернокожий парень, да еще в форме морского офицера — было

чему удивляться. Стихи его, в основном морской тематики, всем понравились. Джим стал студентом Литинститута, а через пять лет защитил диплом с отличием. Его имя стало появляться в поэтических рубриках на страницах газет и журналов. Читатели с интересом следили за творческой судьбой несостоявшегося киноактера, бывшего моряка и профессионального поэта...

В 1963 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая книжка стихов Д. Паттерсона: «Россия. Африка». Затем один за другим стали появляться его поэтические сборники: «Рождение ливня», «Взаимодействие», «Зимние ласточки», «Красная линия», «Залив Дс-брого начала», «Дыхание лиственницы». На творчество молодого поэта обратили внимание Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Константин Ваншенкин, Герман Флоров — ответственный секретарь объединения поэтов Союза писателей СССР. Именно по их рекомендации Джим Паттерсон был принят в Союз писателей. В творческой карточке поэта обозначен год вступления — 1967-й.

И уже с удостоверением члена Союза писателей Джим Паттерсон исколесил всю страну вдоль и поперек: побывал в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке, на всех важнейших молодежных стройках — в Тюмени, на БАМе, в Нижнегагарске, Тынде, на сибирских реках, видел огни Нурека. Молодой поэт, юный герой из полюбившегося всем фильма «Цирк», всюду был желанным гостем. Публика принимала его как кинозвезду первой величины... В последние годы Джиму Паттерсону и его матери Вере Ипполитовне жилось особенно трудно. Напечатать сборник стихов, заработать на жизнь стало практически невозможно. Ни

пенсии матери, ни пенсии сына явно не хватало. Долгое время они жили на средства, которые имели от сдачи внаем квартиры. В конце концов они пришли к выводу, что в России им не прожить. Мать с сыном решили уехать в Америку. Родственники прислали им вызов. Джим распродал всю мебель, раздарил друзьям и знакомым все свои вещи и купил в авиаагентстве билеты за океан. Сейчас они живут в Вашингтоне. Рассказывают, что Джим с выставкой картин своей матери ездит по стране, зарабатывает деньги.

Пробовал он сниматься и в кино, но из этого ничего не вышло. И по-прежнему он пишет, пытается издать на английском языке сборник стихов. Одним словом, всеми возможными способами старается заработать на жизнь. Как выяснилось, жить в Америке ничуть не легче, чем в России.

Но в нашем материале, читателям будет более интересно познакомиться с воспоминаниями Николая Беседина.

«В ту зиму 1962/63 года мы иногда уходили после занятий втроем,

бывшие моряки: Николай Рубцов, мой друг по флоту и в последующие годы Джим Паттерсон (известный по фильму «Цирк»), который часто сидел с нами у Сидоренко, и я — и шли куда-нибудь перекусить.

В зависимости от наличия денег и настроения это были шашлычная «Кавказ» на Тверском, почти рядом с институтом, или молочное кафе, выходящее фасадом на Пушкинскую площадь (сейчас этих зданий нет). Зима была снежная, институтский сквер с его лавочками был занесен снегом. Герцен стоял, склонив голову под белоснежной шапкой, и Рубцов прочитал как-то стихи, написанные экспромтом на открытии памятника А.Герцену. Тогда от комсомольской организации на митинге выступил ее секретарь бойкий поэт Молодняков.

Рубцов, смеясь, прочитал:

Выступал Молодняков.

С высоты своей устало,

Озирая торжество

Герцен плюнул с пьедестала

На питомца своего.

Праздник пушкинской поэзии в Захарове. 1979 г.

В своем скромном застолье мы брали бутылку вина, вспоминали флот, и Николай оживал, читая стихи о море, и просил читать нас. Знаю по себе и думаю, что это верно в отношении к Рубцову, что флот, флотская дружба и почти братские отношения между моряками, где не было и следа дедовщины и прочих неуставных отношений, сыграли немалую роль в становлении характера, и поэтому, наверно, светлели глаза Николая и улыбка теплила и оживляла его лицо при воспоминании о флотской юности»*.

Итак, познакомились Николай Беседин, Николай Рубцов и Джеймс Паттерсон на литературном семинаре Н.Н.Сидоренко в 1962 — 1963 годах. Паттерсон и Беседин уже заканчивали своё обучение в Литинституте, но ходили на этот семинар. Все трое бывшие моряки, познавшие солёный вкус морской службы и не хлебнувшие ещё славы поэтической. Они ещё были язвительными молодыми, поэтами задиристо смотревшими на мир. Это потому они станут членами Союза писателей, маститыми авторами книг. Но кто знает не имел ли в виду Николай Рубцов Джима Паттерсона в своём мистическом стихотворении «На озере».

*Светлый покой
Опустился с небес*

* Николай Васильевич Беседин родился в 1934 году в Кемеровской области. В 14 лет ушёл юнгой на флот. Окончил мореходное училище в Ленинграде, затем Литературный институт. Работал в институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 14 сборников стихов и трёхтомника «Избранное». Лауреат Всероссийских и международных литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Москве. Воспоминания опубликованы в сентябрьском номере журнала «Москва» за 2011 год.

*И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О, этот светлый
Покой-чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Чёрного лебедя — белым!*

Не может ли это стихотворение быть навеяно приятельством с Джимом. Да оно впервые было опубликовано только в сборнике «Зелёные цветы» в 1971 году уже после смерти Н.М.Рубцова и в газете «Вологодский комсомолец» за 16 июня 1971 года в рубрике «Из творческого наследия поэта». Но машинописная копия в ГАВО датированная 28.7.64. позволяют сделать такое смелое предположение. Поэты разные по отпущенному таланту, степени любви к России, по смелости суждений и пониманию степени дозволенности — они были всё же студентами Литературного института. А раз так, то по чисто профессиональным качествам — умение рифмовать, чувство ответственности к поэзии, они если и отличались, то только на поле одарённости. А вот Паттерсон был «белой вороной» чёрного цвета в кругу знакомых Рубцова. Николай возможно хотел сказать, что несмотря на цвет кожи, Джим, пишущий на русском языке, тоже поэт, заслуживающий внимания. И обращать взор надо на его талант, а не на цвет кожи. Николай Рубцов, возможно хотел подчеркнуть, что Джим Паттерсон поёт своим пронзительным голосом и не должен восприниматься как нечто экзотическое в нашей поэзии. Думается интересен и важен вопрос, почему Н.М.Рубцов так и не опубликовал это стихотворе-

ние, не поставил посвящение Паттерсону и почему разошлись жизненные и поэтические дороги поэтов.

Поэтические способности Джима Паттерсона не были выдающимися, но он вполне вписывался в стиль социалистического реализма как некий индивид, который своим видом как бы говорил, что в стране Советов и такое может быть. Тем более его роль в фильме «Цирк» прямо таки вопила об этом. Примерно в это время Николай Рубцов публикует в сборнике «Волны и скалы» стихотворение «Поэт», где всерьёз размышляет о месте и роли поэта в обществе.

*Но всё равно опутан я всерьёз
Какой-то общей нервною системой:
Случайный крик, раздавшийся
над богомемой
Доводит всех до крика и до слёз.*

И вдруг такой неординарный случай и какие — то мистические стихи получились у Рубцова. Может дело выглядит и ещё проще. Вдруг Джим испытывал первое время некое неудобство в поэтическом мире из — за своего цвета кожи и моряк решил в лирическом стихотворении поддержать моряка. Будет покой и очарованный им Джим останется таким же искренним поэтом как Рубцов, как все их приятели. Но ведь не опубликовал же Николай Рубцов эти хорошие стихи при жизни. Может понял, что эта поддержка поэту Паттерсону не нужна... Джим вскоре после окончания Литературного института стал вхож в различные комитеты, общества дружбы со странами Африки и Латинской Америки, приглашался на приёмы в посольства, участвовал в писательских конференциях развивающихся стран, ездил как посол СССР в эти страны, показывая лицо и преимущества социа-

лизма. Видимо такой типаж был просто необходим советской пропаганде и помимо всего прочего Паттерсон неплохо зарабатывал на этом, а также на публикациях в журналах и выпуске своих книг. Чернокожий советский поэт стал необходим и обласкан властями. В этих условиях обращение Рубцова потеряло смысл. И поэт «забывает» свой душевный порыв, связанный с Джимом Паттерсоном. Последний очень хорошо устроился в современном ему СССР. Такими стали и его стихи декларативные и лозунговые, против колониализма и расизма в мире капитала, за дружбу всех народов на Земле. Но была ли это та поэзия, которая бурлила в молодом моряке Паттерсоне? Наверное всё же лирический герой Джима пошёл на поводу конъюнктуры, которая складывалась из цвета его кожи и биографии. Что ж он получил неплохие дивиденды на этом, но с распадом СССР и сменой идеологии потерялся и потерял всё. Джеймс Паттерсон издал семь поэтических книг — первую в 1963 году, последнюю в 1993 году и несколько книг публицистики*. Былая популярность улетучилась вместе с переменам в стране... Удалось найти пока одну, совместную публикацию Джеймса Паттерсона и Николая Рубцова в журнале «Сельская молодёжь» 7 за 1967 год. А это был знаковый год для обоих. У Рубцова вы-

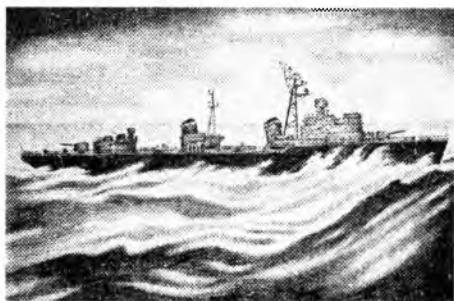
* Фотография Джеймса Паттерсона и его стихотворение взяты из журнала «Юность» 9 за 1968 год. Хотелось бы обратить внимание на имя поэта в журнале. В «Юности» — Джеймс, в воспоминаниях друзей он — Джим, в официальной биографии и на обложках книг — Джеймс, в детстве — Джимми. Всё это один и тот же чернокожий актёр фильма «Цирк», офицер советского флота, поэт, член СП СССР, эмигрант Джим Паттерсон.

шел сборник «Звезда полей», а Паттерсон стал членом Союза писателей. Вот такие удивительные друзья — приятели были у Николая Рубцова. Поражает ещё одно. Николаю Беседину о трагической гибели Николая Рубцова сообщил не кто иной как Джеймс Паттерсон. Значит следил темнокожий поэт за творчеством Рубцова, интересовался его судьбой. Ещё об одном факте невозможно не написать. В Череповце до недавнего времени жил капитан — лейтенант в отставке Валентин Носов. Он служил командиром дизельной подводной лодки на Северном флоте как раз в то время, когда в 1955–1956 годах на эсминце «Окрылённый» проходил полугодовую практику курсант мореходного училища в Ораниенбауме Николай Беседин, рядом на другом эсминце «Острый» служил матрос Николай Рубцов. И ещё что удивительно, тот же Валентин Носов учился вместе с курсантом Джимом Паттерсоном в Ленинградском высшем военно-морском училище. О чём свидетельствует автограф Джима на книге подаренной Валентину во время одной из встреч их выпуска. Да удивительные бывают судьбы моряков, ставших поэтами. Валентин Носов также преподнёс особый подарок рубцоведам страны. Он нарисовал несколько рисунков эсминца «Острый» на котором проходил службу Николай Рубцов. Причём как он выразился, вручая эти рисунки автору этих строк, что за все палубные постройки эсминца и общий его внешний вид он головой отвечает. Так уж повелось у моряков, что морская служба и морская дружба являются категориями непреходящими. И очень знаменательно, что в этой статье вспомнились настоящие поэты и хорошие моряки нашей родины.

Обращение к веку

Я к юному, юн и дипломату,
подойди и скажи,
свою руку доверь мне
на плечо полному.
Я скажу ему — Эдвардский,
еек-творец и боец,
ты ледишней энтралом
шел на Земной дворец
и, всем сердцем, домел
речь про братство и арло,
служил нашему Ленину
с деликатом в Смоленск...
Ты припомни, дружище,
как тогда в Петрограде
краснофлажком балтийским
защитил ты в Бухарин
там, тыловый и строгий,
из стенов воюх
своих местные стражи
декламировал Блок...
В тыластерие сущинной,
юн, ты жил на земле,
копая в Первой Конной,
привставал в седле.
Это ты интервентов
сбросил в море в Иркы,
чтобы землю Советов
не отдать никому...
Но оставь, не лгую,
много стран все равно
с государственным строем,
устаревшим давно.
Ты любил, как боец,
как товарищ, бойки.
Век! Милн ты в поминаниях,
если можешь, возьми!

Валентин ЛУКОШНИКОВ,
бывший заместитель редактора газеты
«Ленинский путь», «Отличник печати».

В. Лукошников
с Н. Рубцовым
в Бабаеве,
1960-е годы.

ДРУЖИЛИ ПОЭТЫ

С поэзией Николая Михайловича Рубцова бабаевский поэт Вилиор Андреевич Иванов познакомился, ещё служа в армии. Как-то прочитав в «Комсомолке» стихотворения «Море», «Весна на море», Вилиор влюбился в поэзию Рубцова, как юноша влюбляется впервые в девушку. Он был восхищён и сражён глубиной и поэтической мощью прочитанного: «Так ярко, образно выразить состояние моря мог только очень талантливый, гениальный поэт, — вспоминает Вилиор. — Внимательно прочтите и вникните в содержание каждой строфы, каждого слова и вы увидите, ощутите на себе эту гениальность:

*...Был сапфировый цвет волны,
Море жизнь вдыхало и свежесть.
Даже в мёртвые валуны.
Прямо в сердце врывалось силой...*

У кого вы видели такие живые краски — эпитеты «сапфировый цвет вол-

ны»! А какая мощь! «Даже в мёртвые валуны» «врывалось силой»! Живое, дышащее свежестью море перед вашими глазами. Чувствуется, что и сам поэт Рубцов влюблён в море, восхищён и в восторге от его мощи, дыхания, свежести. У поэта море живое, осязаемо, оно оживляет «мёртвые валуны».

Далее Рубцов пишет, какие чувства обуревают им при виде моря. Он, чуть не рыдая, живописует:

*Говорят, что моряк не плачет,
Всё же слёз я сдержать не смог.
Словно брызги крови горячей
Расплескала заря у ног.*

*Стало сердце болью самою,
Но росло торжество ума:
Свет над морем борется с тьмою
И пред ним отступает тьма!*

Продолжая тему моря в стихотворении «Весна на море» поэт раскрывает неожиданные, очень тонкие детали состояния моря:

*Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котёнок,
Всё скребётся о причал...*

Как по сыновни тепло, с какой-то божественной любовью Рубцов выразил состояние ночного, уснувшего моря. Хотя оно не уснуло «скребётся о причал», а «берег светел по ночам». Ну, как тут не влюбиться в рубцовское море, в рубцовскую поэзию! Я хорошо понимаю Вилиора, автор этих строк тоже влюблён в море, в поэзию Н. Рубцова. Вилиор же влюбился в море и поэзию Рубцова на всю жизнь — «до конца, до смертного креста». А когда поэт приехал однажды в редакцию газеты «Ленинский путь» (г. Бабаево), то

они крепко подружились.

Как-то весной 1965 года Николай Рубцов приехал к нам в Бабаево. С Вилиором Ивановым поэт встретился в редакции. Случилось что-то невероятное, чудо какое-то: Николай и Вилиор обнялись, как будто они были знакомы давным-давно.

Далее началась дружба двух поэтов (Вилиор тоже писал стихи). О дружбе людей, вообще-то, писать не просто. Особенно о поэтах от Бога, талантливых и неординарных. А Рубцов и Иванов были именно такими поэтами.

Как только Николай Рубцов появлялся в редакции, в нашего Вилиора (мы его звали просто Виля) вселялся какой-то бес. Он напрочь терял самообладание, следовал за Рубцовым, словно тень, разлучить их в это время было невозможно. Их тянуло друг к другу, как магнитом, Вилиор молился на своего литературного кумира, это были друзья — не разлей вода.

Мне было интересно наблюдать за ними. Их очень часто можно было видеть беседующими за столом в укромном уединённом уголке. Их можно было принять за заговорщиков. Сидели они тихо, беседовали мирно. За всё время пребывания Рубцова (1965 — 1967), я ни разу не слышал громкого разговора, спора.

У Николая была несколько странная привычка: вскакивать и размахивать руками при разговоре. Вилиор же сидел невозмутимо, слушал внимательно, стараясь не пропустить ни единого слова друга, внимал Рубцову, кивал головой, как бы соглашаясь с доводами говорившего. Удивительно, но за время общения я не слышал громкого слова или хотя бы повышенного тона: очень тихо, мирно,

с какой-то необыкновенной теплотой, одухотворённой любовью проходило это таинство поэтического общения. Меня это несколько удивляло и умиляло: ведь много в поэзии загадочного, иногда спорного. Поэты часто спорят, для них спор — дело привычное. В споре рождается истина. А Виля и Николай никогда не спорили, творили, как им душа велит. Видимо у наших друзей-поэтов была высочайшая планка в творчестве, им не было нужды спорить. Они понимали друг друга с полуслова. На то они и таланты от Бога. Тёплая поэтическая дружба, между тем, имела какие-то непонятные постороннему человеку странности, а, может быть, и закономерности. Несомненно, поэты были близки духовно, дружны, как мужчины — это понятно. Но они, к тому же, чувствовали состояние друг друга на расстоянии — телепатически, что ли. Иначе, чем объяснить такой феномен: за четыре года до трагической гибели Рубцова наш бабаевский поэт Вилиор Иванов каким-то шестым чувством узрел надвигающуюся на друга беду, предугадал его близкую кончину. В июле 1967 года в стихотворении, посвящённом Рубцову, он напишет такие пророческие строки:

*Не стало в небе ни звезды...
Не стало светлого участия,
Пришло предчувствие беды,
Непоправимого несчастья...*

Непостижимо! Но это факт. Что это? Мистика? Думается, нет. Это не мистика. Это — предвидение — удел избранных, самых талантливых, гениальных людей. Таким даром обладал друг Н. Рубцова — наш бабаевский поэт Вилиор Иванов. И, совсем не слу-

чайно, в автографе подборки стихов Николай Рубцов напишет: «Дорого-му талантливому Вилиору на память о встрече. Н.Рубцов. 4.IV.1967 г.» А, спустя три месяца Вилиор напишет вышесказанные провидческие строки.

Поэты часто встречались на бабаевской земле. Однажды Н.Рубцов гостил на родине В.Иванова в д.Афанасово. Вилиор так живописует об этом:

*Я горжусь, что избушка отцова
В материнской деревне моей
Принимала однажды Рубцова —
Проповедника русских полей.*

Вилиор души не чаял в своём ку-мире. У него есть такие изумительно тёплые, сыновни строки:

*Был апрель, когда без слов
В скромной горнице моей
Поселились Н.Рубцов
И его «Звезда полей».*

*Я души не чаял в нём
И не знал, что он плывёт,
Уливает с каждым днём,
Как последний пароход.*

Такие строки мог написать поэт незаурядный, с родственной Рубцову душой. Вилиорова поэтическая душа в этом стихотворении плачет о близкой потере друга.

До последних дней жизни Рубцова поэты вели переписку. Получая очередное письмо от друга, Вилиор пребывал в самом расчудесном расположении духа, целую неделю он весь светился от радости. Несомненно, творческому расцвету поэзии Вилиора Иванова способствовала поэзия Николая Рубцова, они как бы дополняли друг друга. Не случайно в произведениях В.Иванова чувствовалось влияние рубцовского поэтического начала.

Его стихи так же просты, приземлены, близки и понятны людям, отражают реалии современной жизни, призывают людей делать добро, жить по совести, беречь и охранять любимую Родину — Россию. В них нет вычурности, пафоса. Всё просто и талантливо, как и у его друга — Рубцова.

Поэты до боли сердечной страдали, видя несправедливость, угнетение народа, унижения их любимой Родины. Их стихи о тяжёлой доле трудового крестьянства, особенно сельских женщин, более чем убедительны, они «кричат», «вопят» к власть держащей верхушке. По праву — это лучшие произведения Рубцова и Иванова. Николай Рубцов пишет об этом так:

*Старушек наших гнёт в дугу,
И всё без жалости унылой
С какой-то дьявольской силой
Граблями машут на лугу...*

В унисон ему, продолжая тему, живописует Вилиор Иванов:

*Ах, старушки... Сохнет жизни чаша,
Я её наполнить не берусь,
Только Бог и совестливость ваша
На плаву ещё поддержат Русь!*

Так пронзительно, проникновенно, до сердечной боли достоверно могли сотворить талантливые, истинно народные поэты, плоть от плоти русского народа. Щемящие, ранящие душу каждого простого человека строки заставляют вместе с автором сопереживать, будоражат ум человека, если он настоящий Человек, а не фонарный столб, что тускло освещает туманную до омерзения постылую даль сегодняшнего бытия.

Известие о гибели любимого друга поэта свергло Вилиора в шок: он не на-

ходил себе места, плакал как ребёнок и не скрывал мужских слёз. Словно небо разверзлось над ним. Удар был страшной силы — Вилиор Иванов не смог от него оправиться. Приходил в редакцию, садился за стол и плакал. Работать не мог, перестал писать стихи, запил. Редактору ничего не оставалось, как уволить его с работы.

Два талантливых поэта. Две судьбы. Оба очень рано ушли из жизни. Но осталась их прекрасная поэзия, зовущая людей к Добру и Свету. При жизни их объединяло высочайшее, всепоглощающее чувство любви к своей Родине — России, многострадальному русскому народу, сынами которо-

го они были. Николай Рубцов завещал: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Вилиор Иванов продолжал и углублял тему: «Единой будь, моя страна — родная Русь разноязычная!» В наших талантливых поэтах воплотились самые лучшие черты и качества русского народа — Вера в торжество Любви, Добра, Счастья и Справедливости на планете Земля!

Окончен земной путь. Но не погасла Звезда их поэзии. Она разгорается всё ярче и ярче, освещая путь людям к Миру, Добру и Свету:

*И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит Звезда моих полей...
(Н.Рубцов)*

Николай АСТАФЬЕВ

ЛУКАВАЯ «НЕВЕСТА»

Когда-нибудь в пылу азарта
взовьюсь я ведьмой из трубы
и перепутаю все карты
твоей блистательной судьбы...

...Нам на двоих дано одно бессмертье.
Людмила Дербина

Однако, зло неистребимо, —
оно живуче до сих пор,

и то, что мы к нему терпимы —
наш несмываемый позор.
Не бред ли? — Дербина читает
свои зловещие стихи, —
сравняться с гением мечтает,
скрывая смертные грехи...
Рубцов давно в иных пределах,
а душегубка всё жива
и расточает то и дело
свои лукавые слова,
пытаясь утолить гордыню...
А совесть — где там совесть! — Спит.
Убийце делает отныне
рекламу праздничный софит:
есть повод, — в юбилей Рубцова,
вдовой прикинувшись, — «блеснуть»,
«поплакаться в жилетку» снова
и от вопросов улизнуть...
А завтра, — что же будет завтра? —
Опять в цене её «труды»:
Людмила Дербина с азартом
взмывает ведьмой из трубы
и тень её скользит безбожно
по Вологодчине родной...

Представить это невозможно,
как крылья за её спиной.

3-15.01.2016

Вера БАСОВА

26 февраля в городе Череповце состоялся Юбилейный Творческий Вечер Веры Басовой.

Это был День рождения новой книги «Сосредоточьте ум на счастье».

Стихи и рассказ из неё представляем читателям «Автографа».

ДОРОГИ ЛЮБВИ

У любви всегда дороги свежие!
Не ходи тропкою к Ней заезженной.
Не чуди пошлятиной невнятной,
А сооруди — невероятное!

Округляй Ей очи изумлением...
Высоко цени Любви мгновения!
Не годятся опыты ей прежние.
А слова — да будут только нежные.

Не впрягай Любовь в упряжку —
сраму го!

Убери лукавую натянутость.
Пусть коктейль бесстыдства
и невинности

Пьёт Любовь со благодатью и милостью.

Славою одета и украшена.
Всё в Любви изысканно безбашенно.
Дух с душой лишь в Ней пересекаются.
За Любовь нам не придётся каяться!

Заскрипим засовами-воротами,
На добро не худо стать и мотами.
Расщедреем, как рябина гроздьями...
Госпожой Любовь войдёт — не гостею!
Принимая, угостим не байками,
Заживёт Любовь у нас — Хозяйкою!

ЕСЛИ ТЕБЕ ИЗМЕНИЛИ

Если тебе изменили...
Это... совсем не тебе.

Значит, тебя не вместили.
Значит, тебя не достигли,
Значит, тебя не постигли —
Меньше достанется бед!

Отпусти, оставь.
уволь из мыслей
в сторону ли, вдаль,
пусть вниз ли, ввысь ли...

Ведь не ты украла — он украден.
Ожиданье правых сердцем — радость.

ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИ!

За всё благодари!
Исполнись благодарности:
За новый свет зари,
За все уроки давности.

Умей момент поймать —
Его устроить праздничным.
Благодари за мать,
Как есть она — без разницы.

Благодари Творца
За всё его творение!
Быть счастью без конца
С таким благодарением!

ДВА ВЕНИКА

Мой голик старательно скрёб подшефную детсадовскую территорию. Рядом никого, потому что я отошла от своих подальше, чтобы не болтать впустую. да площади побольше вычистить — на общественных тимуровских работах я была почти стахановкой.

Вдруг чувствую и вижу, что рядом с моим, параллельно и синхронно — вряд ли я такие слова знала во втором классе — грамотно машет другой веник. Молча. Боковым зрением я определяю, что это Клавдия Емельяновна, наша учительница. Странно. Чего это она так упорно-близко работает?

А она тихонько, по секрету от всех, спрашивает: «Ты поняла, что тебе по радио сказали?» ПОНЯЛА — это ключевейшее слово! Как она догадалась!? Ладно — откуда она ЗНАЕТ — тоже можно бы поудивляться. Но как она поняла, что я не поняла!? Это была моя больная тайна. Рядом — никого. Поэтому на прямой вопрос я ответила прямо и тихо — «нет».

А дело было так. У нас в деревне, и наверное, везде тогда в Советском Союзе — ну, не ручаюсь особо — но у нас в деревне почти у всех почти всегда было включено радио. Оно замолкало только после гимна в двенадцать ночи и запедало гимном в шесть утра. Моим местом ночлега был диван недалеко от радио. Поэтому я слышала все новости, симфонии, «Музыкальную шкатулку», «Театр у микрофона» и уж, конечно, «Пионерскую зорьку» и «Октябрат-

скую звёздочку». Гимн СССР стал для меня тяжёлым знаком. Ночью он предвещал, что сейчас ко тьме присоединится тишина. А утром — что скоро надо вставать на зарядку, и спать осталось очень мало. А таааак хочется поспaaaaать!

У нас тогда была вторая смена в школе, и я всегда слышала и «Зорьку», и «Звёздочку». Там часто зачитывали письма ребят. Дикторы в конце передачи неизменно призывали написать им и диктовали адрес радио в Москве.

Наконец, они меня уговорили. А точнее, я решила задать им свой наиболее важный вопрос. Почему я забываю закрывать выюшку у печки, когда просят родители?

Это была настоящая проблема. Ведь печка, она ради тепла, и если её воврмя не скрыть, то — греется улица. А дома холодно. Родители утром разжигали дрова, пока то да сё — печка топилась. Потом они уходили на работу, а моя задача была через такое-то время закрыть выюшку до упора.

Долго на радио в Москве выясняли, что такое «выюшка». И что значит «скрыть» печку; хотя это уже проще. Пришлось покопаться в диалектических словарях. И вот они круто, по-своему, по-городски, объясняют мне, что это за явление — такая вот моя забывчивость. Привели пример: если родители собрались в кино и купили билеты на себя, а на тебя забыли... Каково тебе?

Я напряглась. Волосы дыбом. Москва зачитывала письмо девчушки из малой деревушки

скраю огромной державы. И столица обратила внимание. Да ещё так старательно растолковывают, правда, не по-нашему не по-деревенски как-то, мой вопрос на всю страну! Силюсь, но ничего не понимаю. Мои родители в кино не ходили, до «кина» ли?! И билеты вжизь никто заранее не покупал, смешно даже. Приходишь в клуб, даёшь кассиру пять копеек в руки, она — билетик; проходишь, садишься на холодный деревянный стул. Если кино индийское — то десять копеек, и на пол. И чтоб родители себе что-то купили, а про меня забыли! Случай настолько невероятный, что в моей детской головке он никак не укладывался из-за нереальности. Да папа с мамой всё самое лучшее и самое вкусненькое НАМ покупали, подкладывали и оставляли!

Так, какая-то распёртая, с сумбуром в голове, я пошла в школу. Соседка тётя Римма встретила и чего-то сказала по поводу, мол, слышала про тебя по радио. Сегодня я была необыкновенным героем!

После школы я почему-то пошла в Коротово к маме на работу в «Промтовары». Наверное, рисовала себе, как рада за меня мама, как она мной гордится. Ведь наверняка кто-то да рассказал ей.

Когда я встретила с маминими глазами, неожиданно увидела колючий злой холод. Вроде как — я опозорила их, родителей. Непонятного стало ещё больше. А меня пронзили, мягко говоря, неуютство и страх. Я почувствовала противную, жуткую — это теперь знаю, каким она словом обозначается — отверженность.

Переживала очень. А главное, не знаешь, в чём виноват.

Но жизнь продолжается. Школа. Подшефные работы. Два веника рядом.

И вот, Клавдия Емельяновна, оказывается всё знает, да ещё и понимает, что я в смущении.

И она на моём языке объяснила мне то, что не могла Москва.

Если коротко: кого ты считаешь, того и слово выполняешь неукоснительно! Вот.

Теперь я поняла, почему мама чувствовала себя опозоренной. Дочка забывает наказания, значит, не уважает. И теперь об этом знает вся деревня и вся страна.

Я была безмерно благодарна моей учительнице, что мне теперь стало хотя бы всё ясно.

И ещё, пусть и будучи ребёнком, я была восхищена педагогикой моего первого учителя. Эта великая личность снизошла, наклонилась к ребёнку до уровня его сердца и высоты веника. Понаблюдав за мной, поняла, что я растеряна и страдаю, что нужна взрослая помощь. Не стала при всём классе это делать в назидание другим. Или куда-то вызывать, мол, «мне нужно с тобой поговорить»... А вот так, склонившись, в процессе, между делом.

И радость пришла от ясноты.

Слава Богу за мудрость и деликатность учителей!

Клавдия Емельяновна, спасибо!

П.С.: Кстати, заслонки у печек, точно не уверена, но, вроде, больше не забывала закрывать.

Николай СМЕРНОВ

«Я счастлив тем, что мы шагали рядом...»

НЕЧАЯННЫЙ ВИЗИТ эссе

Благодарю судьбу за то, что она подарила мне — мальчишке, только вступающему в жизнь, встречу с Человеком, чьё имя и творческое наследие стали символом добра, таланта и, глубокой любви к Отчизне.

В 1970 году я закончил среднюю школу. Жил в родительском доме. Старший брат — в армии. Года за полтора до описываемых событий редактор районной газеты «ИСКРА» Кирилл Кириллович Андреев (с газетой я тесно сотрудничал как юнкор несколько лет) предложил мне принять наительство молодого, скромного, одинокого мужчину, приехавшего из Белозерского района работать в нашу районку Юрия Котова. Забегая вперёд, скажу, что был

он одарённым поэтом, глубоким лириком. Личная его жизнь была не устроена и позднее закончилась трагически. Из представителей творческих профессий к тому времени я был знаком лишь с газетчиками нашей районки да кое с кем из журналистов «Вологодского комсомольца», с которым тоже внештатно сотрудничал. Из всех выделялся Георгий Попов — мой первый наставник в газетном ремесле, — работавший ответственным секретарём редакции «ИСКРЫ», ставший позднее известным художником, и специальный корреспондент «Вологодского комсомольца» Виталий Кокарев, трагически погибший в 1975 году. Был ещё преподаватель детской музыкальной школы Валерий Барбошин, тоже поэт не без дара. С ним нас свела школа комсомольского актива «Юность». Сейчас он священник, настоятель кафедрального собора в Вологде. Потом появился баянист и лирик Виталий Солнцев, работавший в «Искре» и живший на квартире у Новожиловых, тоже на Сенной улице. Всё свободное время Виталий обитал с нами: помогал по хозяйству, играл на аккордеоне, который приносил с собой. Вина не пили, не принято было. А угол наш притягивал к себе такие вот творческие, нестандартные натуры, и они находили приют, тепло и душевное участие в моём доме. Сегодня я смею утверждать, что общение именно с этой категорией людей дало мне многое и сформировало жизненные принципы и мировоззрение.

Я отозвался на просьбу редактора — всё-таки не одному коковать в деревенской избе. Потом к нам поселился ещё и мой двоюродный брат Миша Павлов, мой одноклассник. Жили дружно.

И вот школа была уже позади, каждый выбирал свою дорогу. Я подал документы для поступления на исторический факультет Вологодского Государственного педагогического института. Ждал вызова для сдачи вступительных экзаменов.

В последней декаде июля 1970 года Юрий Котов — собрался навестить своего друга, тоже поэта, Виллиора Иванова, жившего в Бабаеве, и уехал к нему на выходные (сын Виллиора — Андрей сегодня — известный журналист в Вологде). Уехал в пятницу вечером, а в воскресенье вернулся и не один. С ним был среднего роста лысоватый молодой мужчина, представившийся Николаем. Он был настолько прост и располагал к себе, что я позволил себе хохотнуть по поводу того, что гостю, более того, тёзке рад душевно. Напряжения, обычного при встречах со старшими и ранее незнакомыми людьми, не было. Фамилию я узнал чуть позже. Это был Рубцов. Юра Котов уже тогда называл его великим русским поэтом. Я ничего не понимал в поэзии, хотя с детских лет пытался рифмовать свои мысли. Казалось, что получается. Великих поэтов знал, тех, кого полагалось по школьной программе. Котов за время совместного нашего жития значительно расширил мой мир. Но видеть живого великого поэта было неожиданно. Интересно. Сомнения ушли незаметно, но однозначно и навсегда. Сразу, как только началось живое общение. Вспоминаю, что же в нём было осо-

бого, так располагающего к контакту? Первое впечатление — ГЛАЗА — глубокие, умные, грустные, но с горящими искорками-солнышками, которые я различил даже ранним утром.

Поезд к нам в Чагоду приходил в 4 часа утра и мы улеглись досыпать. Поднявшись, первое, что сделали, так это объехали окучником плантацию картошки на нашем огороде. Не помню для чего (ведь уже июль был на исходе), но сделать это мне советовали старшие соседи. Потом взрослые мужики делали ещё что-то тяжёлое с дровами, а меня отправили жарить картошку на прошлогоднем свином сале. Мастак я был картошку жарить! И опыт имелся — это блюдо для нас одиноких мужиков было главным в повседневном обиходе.

Размявшиися трудом праведным мужики пришли в избу бодрыми и посвежевшими. Рубцов даже ополоснулся ключевой водой Чёрного ручья. Утёрся полотенцем, пригладил ладонью лысину и сам себе прочитал, словно молитву:

В горнице моей светло...

Я застыл зачарованный с открытым ртом. Послышалась песня. А он, закончив начатое, прошёлся по избе и, оставаясь в себе самом, продолжил:

В этой деревне огни не погашены...

А после этого чудесного монолога с глубоким вздохом тихо и мечтательно то ли сказал, то ли попросил: — Вот бы гармонь...

Гармошки в доме не было. Была семиструнная гитара. Я предложил. Рубцов взял её, перебрал струны, отложил в сторону и произнёс: — Не то. К этому гармонь лучше.

Я понял, что фраза относится к тому, что он прочитал и воспринял её

как должное, чему комментарии были не нужны. Тогда уже было бесспорно ясно— ЭТО надобно петь!

И всё таки, придя в себя после услышанных шедевров, я спросил, как это у него получается — складно и проникновенно.

Рубцов отозвался на искреннюю, не вычурную похвалу и снова ответом на вопрос выдал шедевр:

*О чём писать,
На то не наша воля.
Тобой одним
Не будет мир воснет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Возьмёт другой поэт.
Но если нет
Ни радости, ни горя
Тогда не мни,
Что звонко запоёшь.
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Всё это будет ложь!*

Этим и ограничился.

Потом был обед, плавно перетёкший в ужин до глубокой ночи. Пили ли Рубцов с Котовым вино? Да, было у них припасено две бутылки вина «Лучистого». Хватило на два дня. И осталось ещё. Выпивали из гранёных стопок. Мочили губы. Клевали по картошечке. И читали стихи. По очереди. По памяти. Десятки, сотни стихотворений. Своих и чужих. Философствовали глубоко и не всегда понятно. Спорили. Соглашались. Опять мочили губы, тыкали вилкой в сковородку и снова читали стихи. И курили. Заметно было, что главный в диалогах — Рубцов. Юра Котов был с ним

очень почтителен. Благоговел даже. Часто молча обычным оценочным жестом большого указательного пальца правой руки обращал моё внимание на поэтические шедевры.

Я, впервые в жизни общавшийся с такими талантами и, как жизнь показала, с гением был очарован. Моих познаний хватало лишь на малую толику восприятия того, что слышал. Но чувства переполняли. Хотелось продолжения и продолжения. Всё соответствовало внутреннему миру подростка, ложилось и в мозг и, главное, на душу. Тогда уже зарождалась в глубине раненной потерями близких людей души непонятная грусть от противоречий между мечтами и действительностью. Разные люди уже встречены были на жизненном пути. Познана была и искренность и подлость. Были друзья, с которыми предстояло расстаться надолго, а, быть может, и навсегда. Потому меня глубоко тронула философия читанных Рубцовым стихов. Помню...

*Давно ли, гуляя, гармонь
оглашала окрестность,
И сам председатель плясал,
выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть
в труде и за честность,
И лучшую жницу, как зная
в руках проносил...*

*Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных белых церквей! ...*

*...Боюсь я, боюсь я, как вольная
сильная птица,
Разбить свои крылья и больше
не видеть чудес!*

Нет нужды описывать все двое суток общения с Рубцовым. Всё равно не пересказать. Всё равно будет лишь и восторг и грусть от его стихов, его глаза. Всё равно сами выплывают из памяти строчки:

*Я люблю, когда шумят берёзы.
Когда листья падают с берёз.
Слушаешь, и набегает слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз.*

Впечатление от встречи было таково, что даже напряжение со сдачей вступительных экзаменов в институт его не притупило, продолжало жить во мне. И сами по себе из глубины души пятнадцатилетнего пацана выплыли навсегда эти самодельные строчки.

Картошка жаренная с салом...

Жалею сейчас лишь об одном — не фотографировал эту встречу. Почему, не могу сам себе объяснить. Фотоаппарат «Зор-кий-4» у меня был, и я с ним почти не расставался. Юра Котов тоже всегда таскал с собой свой «ФЭД» и в Бабаево ездил с ним. Такое, чтоб у нас «плёнка кончилась» и нечем было её заменить, невозможно. Значит, это та же очарованность встречей заколдовала нас обоих. Я много потом думал об этом. Не понимал себя. Сожалел. Сегодня признаюсь, что виной всему стало то, что сам я в тот момент не придавал должного значения этому визиту и знакомству с Рубцовым. Мальчишка — что уж говорить! Не дано ещё было заглядывать чуталик вперёд. А жизнь, казалось, будет вечной. О скорых потерях в этом круге не думалось...

* * *

В первые полгода моей учёбы в институте мы нечасто встречались на ли-

тературных вечерах, просто в городе, в редакции «Вологодского комсомольца». Николай Михайлович бывал и в нашем общежитии на улице Герцен, д.37. Он подружился с Сергеем Кругловым, тоже поэтом, моим однокурсником, жившим со мной в одной комнате. Его тоже давно нет на свете. Но это — отдельная тема.

Последний раз я видел Рубцова числа 10-12 января. Шла первая студенческая сессия. Рубцов зашёл с Сергеем Кругловым в общежитие за простой земной надобностью. Даже в комнату заходить отказался, поговорили накоротке в коридоре. Причина у него на то была. Комната наша была большая. Десять человек жило. Люди разные. Были ребята много старше нас — вчерашних школьников. И трое партийных. Один из них, бывший шофёр лесовоза из каргопольской глубинки, сессии сдававший только на «отлично» и впоследствии ставший доктором наук, настолько кичился своей взрослостью, опытностью и партийностью, что порой был невыносим. В один из визитов ко мне Рубцов столкнулся с ним. Они даже словом не перекинулись! Просто одновременно находились в комнате. Но глубокая и чистая душа поэта поняла ту персону и не приняла. Потому в последнюю встречу, отказавшись зайти в комнату, он сказал:

— Там у вас в заднем правом углу живёт «чёрный человек»...

Но мы всё-таки договорились после сессии основательно пообщаться. Не вышло...

P.S. Всю жизнь я жалею об этом.

В 1991 году после путча, устроенного «ельциноидами», я, только что волею руководства переведённый на ра-

боту в Обком КПСС, вместе с семьёй остался без жилья. То, что было у нас по прежнему месту жительства я, как и должно советскому человеку и коммунисту, сдал... А новые хозяева Вологды при случае уже старались уничтожить подобных мне, как врагов. Кричали везде о правовом государстве, которое они построят взамен тоталитарного СССР, да под шумок в мутной воде воровали: — всё, везде, у всех — СЕБЕ любимым.

Непросто было добиться выделения моей семье «двушки» на пятом этаже старенькой панельки-хрущёвки. Здесь бывало общежитие Обкома комсомола, где находили приют «до квартиры» и одинокие журналисты из «Вологодского комсомольца». В их числе и Ни-

колай Рубцов жил в этой квартире несколько месяцев. Так вот вышло. Мы ж договаривались о встрече...

Я живу здесь до сих пор. Иногда ощущаю присутствие ЕГО духа. Помогает, когда трудно.

Николаю Рубцову, Юрию Котову
*Картошка жаренная с салом,
Лучок, укропчик и редис,
Вина «Лучистого» навалом
И разговор в дыму завис.
Но вы ведь и не говорили,
Не ели, не пили совсем,
Вы просто душами делились
И думами. А я был нем.
Мне очень нравится вас слушать,
И мысли ваши понимать.
И снова предлагать вам кушать.
И сковороду подогреть.*

Дом Смирновых в Чагоде (ул. Сенная, 33), где квартировал работавший корреспондентом районной газеты «ИСКРА» поэт Юрий Котов.

Здесь в середине июля 1970 года гостил Николай Рубцов и в разное время бывали поэты: Сергей Чухин, Николай Дружининский, Сергей Круглов. Фото 1968 г.

КАЛЛИГРАФ
Непридуманная история

*Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону домой...*

А. Т. Твардовский.

Учитель Авенир Петрович степенно вышел из своей комнаты: он принадлежал к тому поколению сельских интеллигентов, когда школьного учителя уважали так, как не уважали ни одного большого начальника. Проницательный взгляд, прямой нос, узкие губы и пергаментного цвета лицо делали его похожим на римского патриция. Светло-серый в полоску костюм был тщательно отглажен, а жесткие, уставные стрелки брюк заставляли не горбиться, держать спину прямой.

...Поздней осенью смутного девяносто третьего года дом готовился отметить восьмидесятилетний юбилей заслуженного учителя. Большое деревянное строение на холме с видом

на пруд, казалось, не боялось ничего на свете. Вокруг стояли испуганные домишки, готовые по первому окрику тут же встать в землю. А этот дом крышей упирался в небо и, особо не перемоясь, нес на себе широкие окна по периметру двух этажей, слепя округу отраженным светом. В нем, всяк по-своему проживало восемь семей. В особые праздничные дни вдруг выяснялось, что соседи — не просто жильцы дома, а почти что родственники друг другу.

...Между тем в гостиной Авенира Петровича веселились на полу золотистые осколки солнечного вечернего света.

— Валентина, в котором часу прибывает автобус? — спросил он. — В семнадцать?.. Раньше шести за стол садиться не будем. Подождем гостью. — и, взяв из почтового ящика газету, он с той же степенностью вернулся к себе в комнату.

Соседки то и дело заходили в квартиру уважаемого пенсионера. Они несли с собой домашние заготовки: маринованные помидорчики, соленые огурчики, а еще трехлитровые банки с белыми груздями и темно-коричневыми рыжиками. Испекли в печи противень рыбного пирога из лучшей части улова соседа рыбака, Пашки-браконьера. Гостинцы, с благодарностью, принимала Валентина — старшая дочь Авенира Петровича в одиночку ухаживающая за ним после смерти матери.

— Чем-то помочь? — спрашивали ее соседки.

— Ну, если вот пельмени лепить вместе, да нарезать овощей на салаты...

— А колбаса на оливье есть? В магазине хоть шаром покати, одна вод-

ка на прилавках. Наш-то президент известный пьяница, вот и народ за ним следом...

Из соседней комнаты донесся твердый, громкий голос виновника торжества.

— Валентина! Кто-нибудь ушел на автовокзал встречать гостью с Украины?

— Да, папа, не волнуйся. Леня встретит. — так же громко ответила она, а затем тихо предупредила соседа подружек. — Девочки, только, пожалуйста, про политику больше ни слова. А то он заведется — не остановить. Потом давление подскочит, придется вызывать скорую.

— А гостя с Украины это кто? Ваша родственница?

— Нет, какая-то давняя папина знакомая. Сорок с лишним лет он с ней не виделись. Она сама каким-то образом его отыскала, — списалась, и вот сейчас решила приехать на юбилей.

— Так ей годиков-то, наверно, многим меньше чем Авениру? Надо же было рискнуть: в таком-то возрасте, отправиться в такую дальнюю дорогу...

За разговором не забывали о деле. Прибрали гостиную, занесли недостающие столы, стулья, посуду. Каждая будто заранее знала, что от нее требуется. К половине шестого праздничный стол был полностью собран.

— Валентина! — снова громко напомнил о себе Авенир Петрович. — Лёнька точно пошел на автовокзал?

— Не волнуйся. Может, автобус задержался, мало ли. Встретит он...

Наконец — гладко выбритый, благоухая одеколоном, при галстук и в застегнутом на все пуговицы пиджаке юбиляр появился перед дочерью и первыми гостями.

— Ну, жених! — похвалила его Валентина.

Молодой парень из соседней квартиры, поздоровавшись, торопливо заговорил:

— Авенир Петрович, не посидеть на вашем празднике — вечером уезжаю обратно в Москву. Зашел поздравить и пожелать вам доброго здоровья.

— Спасибо, Володя. А вообще, что сейчас творится в Москве? Как там Белый дом?

— Стоит Белый дом. Что ему делается? Новая столичная достопримечательность. Все верхние этажи как обугленные головешки. Москвичи и туристы специально ездят туда фотографироваться.

— Дерьмократы говорят, что из танков по Белому дому холостыми болванками стреляли?

— Какие болванки Авенир Петрович? Разве после них мог случиться такой пожар? Стреляли боевыми снарядами. Точно знаю, что было десять фугасных выстрелов и два бронебойных.

— И сколько народу погибло?

— Больше сотни человек. На площади были гражданские люди — зеваки, сочувствующие. В основном они и были убиты снайперами. От танков никто не пострадал... Среди военных и депутатов жертв почти не было.

Валентина давно уже, из-за спины отца, подавала Володьке знаки прекратить этот разговор, но студент, то ли не понимал ее, то ли не хотел понимать. Ему не терпелось выплеснуть добытую не из газет информацию

— Куда катится наша страна... — хмурая тень легла на лицо Авенира Петровича и, показалось, что он разом постарел.

— Папа, выпей реланиума. Страна никуда не укатится, а успокоительное тебе сейчас не помешает.

В это время открылась дверь, и со словами: «Хто-нибудь есть в этом доме?», явилась долгожданная гостыя с Украины.

— Леонид, будь ласка, занеси мою сумку. — сказала она своему спутнику.

Виновник торжества вышел навстречу и замер: перед ним стояла женщина в старомодной прическе колоколом, ярко-красная помада увеличивала узкие губы, а из-под дугообразных бровей голубым огнем сверкали девичьи глаза.

— Кто это к нам приехал? Неужели та самая Оксана Лобода? — встретил он гостыю.

— А это хто за хлопец? Неужели сам Авенир Петрович? Ну, здравствуй, мой спаситель! — они обнялись и трижды расцеловались.

...Девять месяцев и двадцать четыре дня Веня не позволял себе расслабиться. В другой жизни остались неожиданный, как снег на голову, арест. Школа «предвариловки» — с изучением статей и параграфов, с оправдательными и убедительными речами перед сокамерником, с надеждами на справедливость и... скорый суд. Потом тюрьма, ледяной холод осознания вставших перед ним необъятных десяти лет. «Выйду, мне стукнет тридцать четыре года. Полжизни...».

Но он не давал себе слабину, сам догадался и не раз видел тому в подтверждение: если человек раскисал, то жить ему оставалось всего ничего. И спасение пришло, когда отчаяние готово было прорваться сквозь стиснутые зубы...

...Северное лето угасало. Дни вошли в привычные рамки: день как день, ночь как ночь. На вечерней проверке толпа людей в фуфайках и шапках-ушанках, словно пережеванный и выплюнутый в тундру мякиш, стояла плотно, плечом к плечу, и напряженно вслушивалась в выкрикиваемые фамилии.

— «Бондаренко!», — «Я», — «Борисов!», — «Я», — «Бохадзе!», — «Босадзе.», — «Разговорчики!» — «Я»...

Могло показаться, что все едины, в этой единой массе голодных, уставших, одеревеневших от холода людей с пришитыми к фуфайкам белыми тряпками с номерами, но стоило взглянуть на обувь, становилось ясно — кто в толпе доходяга из политических, а кто вор в законе. На одних — расхристанные лагерные чоботы, другие — красовались в хромовых сапогах.

— Граждане заключенные! — зычным хозяйским голосом объявился кум, — Кто из вас умеет считать? Сколько будет шестью восемь? Бывшие экономисты, математики, учителя выйти из строя!

— Веня, — тронул за плечо его друг Глеб Васильев, бывший экономист Госплана — давай пошли, это наш шанс.

— Я учитель истории, не математик.

— Пошли, пошли, — торошил он, — там разберемся.

И они оба протиснулись вперед. Перед строем замерло еще несколько человек, как потом выяснилось, бывшие профессора московского и ленинградского университетов. У каждого из них своя история... Глеб Васильев, был осужден по делу Промпартии, а Авенир Петрович получил свой срок за цитирование не там где надо политического завещания вождя.

— С этого дня все вы назначаетесь нормировщиками, — прояснил ситуацию «кум». — Будете работать лагпунктах Печорлага. Если узнаю, что кто-то нормы занижает, отправлю такого умника на самый тяжелый участок трассы. Туда, где птицы в полете замерзают и замертво падают. — самодовольная усмешка расплылась по его широкому лицу.

Авениру достался дальний лагпункт, где работали сплошь одни уголовники. Предшественники они зарезали, так как гот выставял для «зк» непомерные нормы. Глеб Васильев оказался в ближнем к нему лагпункте, так что они могли изредка общаться друг с другом.

— Что ты так долго ведешь расчеты?.. — спросил однажды Глеб, заметив, что от недосыпания у друга налились кровью глаза. — Неужели в столбик?

— А как еще?

— На логарифмической линейке.

— Мне вовек не разобратся. Там столько всяких шкал. Цифр, да еще этот бегунок с рисккой.

— Надо будет — разберешься.

Волей-неволей, пришлось разобратся. Благодаря толковому объяснению Глеба, принципы вычисления с помощью логарифмической линейки, оказались не такими сложными.

С бригадой уголовников тоже наладилось. То ли в управлении не хотели больше рисковать, то ли, правда, выставляемые им нормы устраивали всех, но ни угроз, ни приказаний, ни с той, ни с другой стороны в его адрес не поступало. Каждую декаду месяца требовалось сдавать отчеты по выполнению норм на участке.

...Перед тем как сесть за стол, он удалял из чернильницы старые загу-

стевшие чернила. заливал свежие и ставил письменный прибор на стол, на расстояние вытянутой руки. Проверял стальное перо в ручке, тщательно протирал его кусочком фланелевой тряпочки и, наконец, отогнув скрепки в тетради доставал из ее середины двойной лист бумаги в ученическую клеточку. Разложив его перед собой, он приступал к ответственной работе. Прежде всего, сверху, посередине листа он писал отдельным словом заголовок: «Отчет».

...Стальное перо выводило заглавную букву «О». Сначала выправлялся маленький хвостик, а затем сверху вниз с небольшим нажимом посередине выписывалась половинка буквы. Другую половинку буквы он снова писал сверху вниз и уже без нажима. Целиком выполнять всю букву сразу нельзя, иначе перо могло зацепиться о бумагу и брызнуть чернилами. Соединив обе половинки буквы, он снова возвращался к вершинке и, закрутив ее, вырисовывал еще один веселый хвостик. Остальные буквы «т», «ч», «е» не требовали такой кропотливой работы: их можно было писать, не отрывая пера от бумаги лишь соблюдая определенные правила нажима. Как правило, перед последней буквой он на секунду задерживал внимание на написанном слове «Отче» и читал про себя молитву: —

«Отче наш, Иже еси на небесех. Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя...».

Дописав заглавное слово, он тонкими линиями подчеркивал его с левой стороны каждой буквы, создавая иллюзию объема. Иногда он позволял себе вольность: после столбцов цифр и процентов выполнения плана в кон-

це отчета закручивал спирали витиеватой виньетки...

В управлении не требовали такой старательности, но Авениру всегда нравилось красивое каллиграфическое письмо пушкинской поры. В правильном написании чисел и букв он находил свою территорию свободы. На листе бумаги, освещенном желтым светом керосиновой лампы, забывалось все, что происходило за окном. Он представлял себя в другом месте, в другом времени и в другой жизни. Так в ежедневной бумажной рутине пропало еще несколько месяцев жизни, как вдруг...

Однажды в конторку заявился особист, приказал: «Собирать манатки», чтобы через полчаса «как штык» быть готовым к отъезду в главное управление Печорлага.

К чему такая спешка, он не объяснял, нарочно создавая тревогу в душе заключенного. На деле оказалось не все так плохо, как думалось поначалу. Его нормировочные отчеты, отсылаемые каждые десять дней, заметили, и большое начальство решило, что дальний участок стройки не самое подходящее место для обладателя такого красивого почерка. В управлении Авенира определили писарем, теперь он не только писал различные деловые письма, но и выполнял художественные работы по оформлению настенных газет к главным праздникам страны.

* * *

Приближалась вторая годовщина победы над фашистской Германией. Для оформительской работы Авенир обычно устраивался в актовом зале конторы Управления. И теперь он освободил на сцене часть столешницы.

Сдвинул с края длинного, широкого стола заседателей темно-малиновую бархатную скатерть с бахромой и разложил свои принадлежности: лист ватмана, гуашевые краски и другие необходимые для художества инструменты. Он решил изобразить салют и орден Славы, а на их фоне красиво написать текст: «9 мая — день Победы. Поздравляем всех сотрудников НКВД Печорлага с великим праздником!». Главные слова должны были выглядеть в виде непрерывной георгиевской ленты повторяющей начертания букв. Чтобы добиться плавного перехода ленты из одной буквы в другую, для начала почеркал черновики, продумал на бумаге композицию. Около часа он бился над эскизом и, наконец, решился переносить рисунок на большой лист. Метровой линейкой разбил лист ватмана на квадраты и приступил к прорисовке праздничной газеты.

Авенир Петрович уже не считал каждый прошедший день от начала срока: для него время из горизонтальной плоской прямой линии теперь завернулось в бесконечную петлю Мебиуса. Он физически ощущал вязкость времени и чтобы не пропасть в нем окончательно кроме известных правил: «Не верь, не бойся, не проси» выработал для себя еще одно — «Не спеши».

Авенир перевел рисунок и уже взялся за кисти и краски, как вдруг распахнулись двери и на пороге актового зала появился вездесущий особист Хайло.

— Писарь! — гаркнул он, — Сворачивайся. Сейчас зечек приведут. Начальнику сцена нужна. Потом свое доделаешь!

Авенир убрался со стола, расправил скатерть и, минуя угрюмых женщин, прошел к последнему ряду ска-

меек зрительного зала. Прислушавшись, он понял, что отряд состоит сплошь из одних хохлушек. Они заполнили все места в зале. Особист Хайло остался караулить в дверях, а на сцену прошел молодой политработник — местный «лепила». Подняв кверху руку, он потребовал тишины. Бабы тут же умолкли.

— Коммунистическая партия во главе с нашим вождем, и учителем товарищем Сталиным! — по обыкновению задалил свою речь «лепила».

Авенир тотчас «отключился» — он знал наперед все, о чем будет талдычить политработник. Вот чернобровая хохлушка, крепкая, тертая баба на его слова: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!», — не сдержавшись, негромко произнесла: «Щоб тебя пидняло, да гепнуло!».

Рядом с Вениамином сидела молодая красивая девушка. Ему даже показалось чересчур молодая — почти ребенок. «Там, уже что совсем с ума посходили? Детей на верную смерть отправляют.» — и, не сдержавшись, он шепотом спросил:

— Извините, сколько вам лет?

— Симнанадцать, — ответила девушка, — а що?

— Как вас угораздило попасть сюда?

— Наш городок був оккупирован немцами, — шепотом рассказала она свою историю, — мамочка хворала. У перши дни войны убили тато. Ще е маленький братишка. Треба было как-то выживати, ось я и устроилась в коммандатуру мыть полы. Червона армия нас освободила, а мене за связь с оккупантами заарештували.

— Послушайте, девушка, — торопясь тоже шептал, не глядя ей в лицо,

Вениамин, — То, что сейчас говорят вам со сцены — полная туфта. Не верьте ни единому слову. Куда вас отправляют? Готовить трассу? На вырубку леса? Вы там погибните через полгода. Скажите мне вашу фамилию, имя и хоть я такой же, как вы — заключенный, но, может быть, постараюсь чем-нибудь помочь вам. Как вас зовут? — повторил он вопрос.

— Оксана Лабода.

Наконец политработник понял, что бабы его не слушают. Оборвал на полуслове свою речь и подал знак особисту.

— Всем встать! — рявкнул тот. — по одному на выход!

Толпа женщин с шумом поднялась со своих мест и, как песок через узкое горлышко песочных часов, медленно вытекла в двери актового зала. Будто здесь только что и не бывало никого вовсе.

Вечером того же дня Авенир прикрепил, в коридоре штаба стройки, красочную настенную газету. Начальству она понравилась. А до вечерней проверки он успел еще управиться и с документами новой партии заключенных. Обычно, распределением по отрядам занимались охранники и вольнонаемные сотрудники планового отдела. Списки составлялись небрежно, наспех и от него требовалось распознать записанные корявым почерком фамилии, переписать их и отдать машинистке в перепечатку на утверждение начальником стройки.

Вениамин быстро нашел список отряда направляемого на разработку просеки под узкоколейную железную дорогу. Отыскал в нем фамилию той девушки и решительно вычеркнул ее. Просмотрев все бумаги, обнаружил са-

мый короткий и самый привлекательный список. Отряд заключенных женщин направляли на работы в тепличное хозяйство. Вот в этот-то список он и вписал Оксану Лабоду.

* * *

— И вы больше так никогда и не виделись? — спросил Лёнька.

Юбилейные торжества близились к своему завершению. Отзвучали поздравления и пожелания, отзвенели хрустальным перебором тосты за здоровье и многие лета. Уже и кое-какие застольные песни были пропеты. А еще, удивив всех крепкой памятью, юбиляр прочел наизусть несколько глав из «Евгения Онегина».

И как-то само собой получилось, что гости разбились на группы по интересам, и за столами заройлся гул слухов, сплетен, историй, домыслов и фактов. Лёне с самого начала интересно было общаться с дедом и его гостей с Украины.

— Нет, больше не виделись. Вот сегодня второй раз. Да и когда бы мы еще смогли свидеться? Я вскоре освободился — закончился мой десятилетний срок. И что было, с той голубоглазой дивчиной — не знал, но надеялся, что мои каллиграфические старания не пропали даром.

— А знаешь, Авенир Петрович, от кого я узнала, что мой перевод в тепличное хозяйство дело твоих рук?

— Нет.

— Помнишь, був такой энкаведешник-битюк, с подходящей для него фамилией — Хайло?

— Смутно припоминаю.

— Так он домогался до меня. Еле отбилась, вот он тебя и выдал: «Ви-дел, — говорит, — как ты тогда на по-

следнем ряду с писарем сговорила-сь. Это он тебя на теплое место пристроил. А теперь некому вступиться иди, мол, ко мне под мою зашиту». Пога-нец! Я тут же начальнику и пожаловалась.

Гости будто очнулись, снова запели. Но слова общей песни помнили не все: кто-то подхватывал ее, припевая только на последних слогах, а кто и просто добавлял бессвязное мычание в популярную мелодию. Закончили петь под общий смех и аплодисменты. Стали вспоминать еще какую-нибудь всем известную песню и тут, в образовавшуюся паузу, влился грудной, широко звучный голос.

— *«Дивлюсь я на небо та й*

думку гадаю:

Чому я не сокил, чому не літаю»...

Песня поплыла приливами и отливами, ожила глубокими вдохами и выдохами.

— *«Чому мене, Боже, ты крылец*

не дал

Я землю б покинув и в небо злітаю»...

...Вторым голосом вступил Авенир Петрович. Его поддержали еще несколько человек знающие слова украинской песни. Песня вошла в силу, набрала мощь, заполнила собой всю комнату, весь дом, всю вселенную и с последними нотами, оторвавшись, растворила-сь в космосе...

— Самые лучшие в мире застольные песни — это украинские. — с тихой гордостью произнесла гостя.

Ей никто не возражал, наоборот, оживились, все вспомнили, еще одну известную украинскую песню: «Червона рута» и, хором дружно ее затянули. Оксана Лабода, извинившись, встала и направилась к выходу на свежий воздух.

— Что, совсем ослабел кацапик? — снисходительно спросила она, Пашку — браконьера безуспешно пытаюсь обойти его, спавшего едва не поперек узкого прохода. Женщины помогли ей пройти, подвинув вместе со стулом перебравшего с выпивкой Павла.

— ...Украина не Россия, — вернувшись, просвещала она Леньку, — у нас так не напиваются, хлопчик.

— А как сейчас на Украине?

— В Украине. — поправила Оксана.

Было заметно, что она будто преобразилась после пения. Исполнение на украинской «мове» ее словно опьянило; и хоть она почти ничего не выпивала за весь вечер, но пословица: «что у трезвого на уме — то у пьяного на языке» была сейчас именно про таких как она.

— ...У нас все замечательно. Пьяниц и лодырей, таких как у вас, не встретишь. Вот уже два года у нас самостийность. Хватит. Понатерпелись от москалей: голодомор, репрессии, война... Столько народу полегло от этой клятой власти — не счесть. Теперь как-нибудь и без укаски кашапов проживем. У нас в Украине всего с избытком: есть сельское хозяйство, есть промышленность, своя наука...

Она замолчала, заметив, что за столом притихли и все внимательно ее слушают.

— А ще? Все так. Россия Украине как мачеха: только и делала, что всю жизнь пользовалась ею, все соки из нее высосала...

— Да мы же всегда хуже вас жили, — горько покачала головой одна из женщин. — Все к вам отправляли, все для вас старались и сейчас живем не лучше чем раньше. А голодомор у нас похлеще был, да еще коллективизация, ин-

дустриализация. Та же война. У любого среди нас спроси: есть такая семья, кого бы лихо не коснулось?

— Давайте будем пить чай! — резко меняя тему, дочь учителя внесла в комнату самовар и поставила никелированного пузана на поднос посередине стола...

На следующее утро гостя собралась к отъезду к себе на родину в Украину. Она призналась, что не собиралась дольше задерживаться, так как приезжала только ради того, чтобы еще раз увидеть и поблагодарить человека, который спас ей однажды жизнь. На автовокзал женщину провожали вдвоем — Авенир Петрович вместе с Ленией. Разговор, как и накануне, продолжался вокруг жизни на Украине.

Возле забора, у здания автовокзала, устроившись прямо на земле, компания из трех мужиков и одной побитой бабенки распивала из бутылочного горлышка дешевое вино. Украинская гостя ничего не сказала, только снисходительная усмешка проявилась на ее лице.

Подожел автобус. Старики тепло попрощались.

— Дзякую, дзякую. До побачення. — она обняла Авенира Петровича и трижды по-русски поцеловала. Из рук Лени она отчего-то осторожно взяла дорожную сумку и еще раз сказала, — Спасибо. До свидания.. — напоследок улыбнулась им, сверкнув тремя золотыми зубами.

Автобус, дыхнул выхлопом, отъехал от станции. Незнаваемо изменившийся с лица, как-то сразу постаревший, Авенир Петрович помахал вслед рукой, и они с Ленькой не спеша направились к дому.

— Дед, — спросил внук, — вот так я и не понял. Вроде бы, твоя знакомая, приехала к русским, а крутом у нее одни кацапы да клятые москали.

— Тебе и не понять... Ты представь, сколько она добиралась до нас. Думаешь, чтобы на меня поглазеть? — дед выпрямил спину. — Она приезжала, чтобы навсегда проститься и попытаться понять и простить! Получилось ли это у нее, трудно сказать. Когда-то я спас ей жизнь одним росчерком пера. Ей повезло: она не отморозила пальцы на лесоповале, ее не изнасиловали, не зарезали блатные бабы в бараке. И этому причиной был я — русский парень. Может быть я для нее был единственным русским который не вписывался в образ того самого клятого кацапа. Но она до сих пор не поняла, что в лагерь-то ее отправили свои же хохлы. Как и меня, кстати, свои же русские соседи. Хорошо бы тебе Лёнька никогда не пришлось понимать этого. Стало ли ей сейчас легче на сердце, нашла ли она то, что искала, — не знаю... Но одно я знаю точно, что теперь уже навсегда простился с той историей про писаря. имевшего каллиграфический почерк.

Автобус сделал круг и выехал на главную дорогу. Гостя из Украины заметила у дошатого тротуара, парня и старика с тросточкой. Она захотела помахать им на прощание ладошкой через стекло салона, но они не обратили на нее внимания: слишком серьезно о чем-то разговаривали...

*Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...*

*Давней молодости слезы,
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозки
В жизни видеть привелось.*

*Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.*

*В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютее,
Даже снег визжал сильнее
Под полозьями саней.*

*Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.*

*Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...*

ВОЙНА ПРАПОРОВ

Все его шелковое тело торжествовало, мышцы напряглись в бунтарском порыве, в свете горящих костров желтый цвет отливал зловещим зеленым, а голубой — ядовитого фиолетовым. Теперь он только один. Долгое время они были вместе, выросли из одного корня. Каждый имел свой собственный стержень, у него он буковый, а тот, кого скинули, имел березовый. Долгое время они были вместе, крепко держались на стальном кронштейне. Бывало, меж ними вспыхивали ссоры и они отвешивали друг другу хлесткие пощечины. Но в целом соседствовали мирно, вместе, рядом, каждый сам по себе. А бывало, в лихолетье, когда закат багровел

от сполохов зарниц, шторм трепал и рвал тело, ледяной ливень полоскал ткань, они объединялись в одно целое. Смертельный холод сковывал их братство, и уже никакая сила не могла их разделить, разорвать, уничтожить.

Теперь он один. Предок того, кого скинули, однажды уже пережил такое. Тогда белую кость и синие мундиры подавил революционный рабоче-крестьянский, с самых низов окрасил все пространство, все полотнище на многие годы залил красным цветом. И вот снова триколор пинают и рвут... А он торжествует, у него в спокойном голубом небе, над широко раскинувшимся желтым полем призрачно высветилась круговерть белых звездочек. Его надежды, радость и ликование длилось не долго.

Он тоже не удержался... Как хищная птица, сложивши крылья, падает с высоты на свою жертву, так и он, нацелив на недовольную людскую толпу острый клюв — наверх, пал к ним под ноги. И так повторялось неоднократно. Он то возносился на самый верх, то его бросали в грязь войны, под танковые гусеницы, под армейские берцы. Нигде больше они не стояли рядом, их остервенело срывали и меняли один на другого, другой на прежнего. В схватку ввязались боевые ветераны, непримиримые враги прошлой, давней, могучей войны. Три черных полосы на фоне темного золота, три главные черты: вера, мужество и память ветерана-победителя — вызывали судорожную ярость у одних, а другим придавали твердую решимость и стойкость. Цветом крови и черным цветом черных дел отмечен был самостийный ветеран.

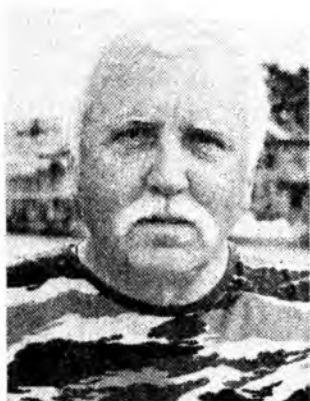
Конца и края не видно войне прапоров. Новые флаги вступили в битву,

старые не сдают позиций, нет и уже, кажется, не можно найти мира меж ними.

Но все войны рано или поздно заканчиваются. Люди из нелюдей постепенно вновь становятся людьми. Трофейные штандарты и флаги пылятся за музейным стеклом, но как после семейной ссоры не склеить черепков разбитой посуды, так и после гражданских войн не найти в музеях порванных в клочья, растоптанных и растерзанных прапоров и знамен. И есть только один путь, одно решение как не остаться навсегда врагами, а вернуть человечность. И этот путь — не путь военной победы, а путь примирения. И тогда снова, как раньше, из одного корня, каждый со своим стержнем — буковым, березовым, на одном кронштейне, рядом, мирно, вместе будут соседствовать и бело-сине-красное знамя и желто-блакитный прапор.

Юрий МАЛОЗЕМОВ

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕЛОВ

В обкомовской столовой, Василий Иванович Белов, пообедав, по крестьянской привычке, аккуратно сгрёб со стола на ладонь хлебные крошки и закинул их себе в рот. Присутствующие, переглянувшись, промолчали. Примеру классика никто не последовал.

Жена видела, как на автобусной остановке Василий Иванович кинулся разнимать двух дерущихся пьяных мужиков. И уже потом, устыдившись, в помощь ему стали подтягиваться другие присутствующие.

Мистика... Поймал себя на том, что записываю фрагменты из жизни великого писателя, почти апокрифы, почерком, очень похожим на его, беловский. Может быть потому, что долго вынашивал в себе эти

воспоминания. Этот почерк, с тонкими, вытянутыми, с большим наклоном буквами ни с каким другим не спутаю.

Ещё до личного знакомства с писателем мне довелось издать три книжки его сестры — Александры Ивановны. А уже в 2003 году, по просьбе самого Василия Ивановича я издал две его небольшие книжечки: «Рыбачьи байки» и детскую сказку «Мишук». Автор остался очень доволен иллюстрациями к сказке, выполненными художницей Надеждой Черкасовой. Впоследствии, с помощью издательства областной библиотеки «Книжное наследие» был выпущен, так же, сборник его пьес.

Писательство сестры Василий Иванович не одобрял, опасался сплетен и обвинений в свой адрес по поводу мнимой помощи в её литературной карьере. Когда я выпустил четвёртую книжку Александры Ивановны, досталось и мне.

В 7 часов утра звонок в дверь. Иду открывать. На пороге Василий Иванович, опирается на палочку. Вижу, сердит.

— Василий Иванович... пожалуйста, проходите.

— Не буду заходить. (Немая сценка). Ладно, зайду. Неудобно через порог-то...

Вошёл.

— Юрка, если ты мою сестру ещё раз напечатаешь, я тебя вот этой палочкой отхожу! (Стучит тростью по полу).

— Так, Василий Иванович, у неё же хорошие рассказы. И фантазия богатая.

— Да, знаю я... Всё я знаю. Только ведь говорить станут, что я её по благу продвигаю.

И вдруг смягчился, улыбнулся.

— А твою книжку я прочитал. От души посмеялся. С юмором у тебя хорошо. Я отзыв дам в «Красный Север». А сестру больше не печатай.

— Хорошо, Василий Иванович, я понял.

Неловкое положение долго угнетало. С одной стороны — как отказать доброй и талантливой женщине? А с другой — пообещал, вроде как... Всё разрешилось само собой. Александра Ивановна по поводу изданий больше ко мне не обращалась. А вскоре вышла её новая книжка, в другом издательстве.

Василий Иванович Белов. Прямота, строгость к себе и другим, в нём легко уживались с добротой и отходчивостью. Книги свои он надписывал тепло и душевно, с желанием сделать приятное. Его издания занимают почётное место на моих книжных полках. А ещё бережно храню шесть его писем.

В. БЕЛОВА

Валерий КУРБАТОВ

Валерий Курбатов — коренной воложанин, талантливый, интеллигентный человек. Стихи начал писать недавно, но принцип — «Уж если начал, то — не начинающий» ясно прослеживается в его поэзии. Валерий пробует себя в разных жанрах: философской лирике, пейзажной, гражданской, а так же пишет иронические стихи и стихи для детей. С другими его стихами можно ознакомиться на портале «Стихи.ру» на личной страничке автора.

ПЕРЕД БЕЛЫМ ЛИСТОМ ЗАМИРАЮ...

Перед белым листом замираю,
Авторучку грызу и гадаю,
Что за строчки сейчас побегут,
Перечеркиваясь и ломаясь,
Догоняя друг друга, толкаясь,
Возникая из пустоты,
Бессонной моей маяты.

Может просто картинки из прошлого
Буду вновь я перебирать,
Безуспешно из этих пазлов
Пытаясь что-то собрать.

Или ворча на погоду,
Может я в миллионный раз
Напишу что-то там про природу:
Как закат розовея погас,
Как уже улетели птицы,
И только на нашем пруду
Зимовать пожелали утки,
Не предвидя в этом беду.

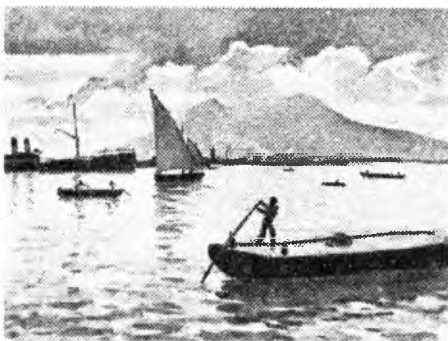
Нет, я думаю про другое,
Про ныне живущих людей,
Про их жизни, счастье и горе,
Как живем мы ради детей,
Как недолог наш век,
Как бывает изменчивою Фортуна,
Как порой человек забывает,
Что бесследно уйдет, без шума,

Без отметки на этой планете,
Без долгой памяти — на века,
И без нас уже будет струиться
Бесконечная жизни река.

КАРТИНА МАРКЕ

Бирюзово-прозрачные волны
Плещутся передо мной.
Опьяняющий свежестью воздух
Приглушает полуденный зной.

По-верблюжьи двугорбый Везувий
Доминантой над морем застыл,
Облака за него цепляют
Клубящиеся хвосты.

Театр, где Везувий — задник,
А спена — чаша залива,
Блики, как рампы огни.
Неаполь, bello, красиво...

Я вижу рыбацкие лодки,
Пересекающие залив
И уж совсем нечетко
Торговое судно вдали.

В природе всего два цвета:
Белый и голубой,
Марево летнего воздуха,
Неумолчно шумит прибой.

Нет, нет, не стою я на взморье,
В краю, где нет места зиме.
Я дома. Знакомой картины
Репродукция на стене.

Известное всем полотно
С ярким морским пейзажем.
Оригинал — далеко,
В Питере, в Эрмитаже.

Кажется, брызги волн
Сейчас полетят мне на пол.
Солнцем и жизнью полон
Альбера Марке «Неаполь».

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Машина времени существует.
Это старый фотоальбом.
Наше детство, юность и зрелость
В этих фотках спрессованы в нем.

В сотый раз я его листаю,
А зачем, уж и сам не знаю.
Каждый лист мне знаком наизусть,
А на сердце щемящая грусть.

Я смотрю на фото отца.
Этот парень еще не знает,
Что война его ожидает,
А пока он совсем пацан.
Его ждут бои и победа.
Много боли придется отведать.

На пожелтевшем снимке
Дядя Боря застыл стоит.
Из далекого сорок пятого
На меня спокойно глядит.

А я знаю, ему осталось
Этой жизни самая малость.
Роковые часы уже бьют,
И в апреле его убьют...

Единственный снимок его
И более — ничего.
Это все, что осталось с нами
И, надеюсь, вечная память.

Перелистывая страницы
Добираюсь до фоток своих.
Предо мною знакомые лица
Друзей, соседей, родных.

Я смотрю на свой детский снимок.
Без рубашки стою, без ботинок.
Такого легко убедить,
Что лучшее все впереди.

Машина времени включает реверс.
Вот опять я здесь и сейчас.
Закрываю в прошлое двери,
Но вернусь сюда и не раз.

* * *

Мама с сыном не играет
Детских книжек не читает,
Погулять с ним не идет,
На площадку не ведет.

Просто мама заболела.
Кашлять ей уж надоело,
Еще насморк достает
И она микстуру пьет.

Сын залез на табуретку.
«Мамочка, плими таблетку!» —
Просят детские уста.
А ладошка-то пуста...

Мама это увидела
И ребенку подыграла,
Ту «таблетку» проглотила,
Малыша благодарила.

Утром вот какое чудо:
Женщине уже не худо,
Ей гораздо легче стало,
Кашля как и не бывало.

Говорю официально:
Вся история реальна!

Виктор НОВИКОВ

Навстречу Всемирному конгрессу экслибриса

Виктор Иванович Новиков — художник, публицист, собиратель и исследователь славяно-русской традиционной культуры. За его плечами пятидесятилетний опыт творческой деятельности, участие в десятках выставок: областных, региональных, общероссийских, а, также, персональных.

Виктор Новиков — человек страстный, увлекающийся, находящийся в постоянном творческом поиске. Вот и сейчас он активно готовится к участию в Международном конгрессе экслибриса, который пройдёт в Вологде в августе нынешнего года.

Основная тема экслибрисов Виктора Новикова — история и мифология древних славян. Ещё в прошлом веке великий собиратель старины Александр Афанасьев писал: «Олицетворённые стихии, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — всё это послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столь пленительный своей младенческой наивностью, тёплой любовью к природе и обаятельной силой чудесного.»

Работая над темой славянской мифологии, художник Виктор Новиков создаёт защитный, сакральный полотно красоты. Он даёт возможность нам, современникам поверить в наше божественное предназначение, вновь и вновь напоминает о том, что «...исполнена есть Земля дивности.»

Автопортрет. Худ. В. Новиков.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ЭКСЛИБРИСОВ В.И. НОВИКОВА

РОССИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

EL КНИГИ HB

ОБЕРЕГИ

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

70

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. А. Борисов, Н. Т. Бушенев,
Ю. Б. Максимов

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.
E-mail: yurii_malozemov@mail.ru

Вологда
2016

